

Капризы и странности судьбы

ОЛЕГ
РОЙ

Двойная жизнь

Олег Рой

Двойная жизнь

«Олег Рой»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рой О. Ю.

Двойная жизнь / О. Ю. Рой — «Олег Рой», 2016

ISBN 978-5-699-85994-8

В один миг жизнь успешного бизнесмена Дениса Воронцова превращается в ад. Проснувшись утром в номере питерского отеля, мужчина обнаруживает рядом с собой мертвую девушку. Денис уверен: его подставили. Однако кому, а главное зачем, это понадобилось, времени выяснить нет. Все улики против него, Денис вынужден пуститься в бега...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85994-8

© Рой О. Ю., 2016
© Олег Рой, 2016

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
Юля	7
Денис	30
Ксения	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Олег Рой

Двойная жизнь

© Резепкин О., 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Памяти моего сына Женечки посвящается

Пролог

Темнота пахла как-то... неправильно. В типично питерский «букет» – плюш, старое дерево и паркетная мастика – раздражающе врезалась тяжелая, тошнотворно чуждая струя. Словно в антикварный магазин втиснули мясной прилавок.

Денис попытался открыть глаза. Что-то было не так. Голова была странно пустой, но при этом ужасно тяжелой – как будто вчера он выпил не бокал сухого вина, а бутылку скверного самогона. Вдобавок что-то мешало правой руке. Денис пошевелил пальцами: что-то твердое, длинное и – ах ты, черт! – острое. Нож? Откуда в постели нож?

Мерзкий запах лез в ноздри. Может, мерещится? Денис скосил глаза...

Льющийся из окна полусумрак не столько освещал, сколько скрывал окружающее. На смятой гостиничной постели рядом с Денисом лежала девушка. Тихая, красивая, бледная до синевы. Как вампир. И с вампирской же кровавой улыбкой. Правда, улыбка располагалась почему-то ниже, чем нужно... В плотно сомкнутых девичьих губах не осталось, кажется, ни капельки крови, они были бесцветны, почти незаметны, а под хрупким подбородком разверзлась гигантская, что называется, от уха до уха, жуткая «ухмылка», из которой очень по-вампирски вытекали тягучие темно-багровые потоки...

Часть 1

Точка невозврата

Юля

Санкт-Петербург – Уфа – Инзер

– Папа, как ты не можешь понять? Я тоже хочу счастья! – Юля резко, словно подброшенная неведомой пружиной, поднялась с кресла и стремительно зашагала по комнате из угла в угол. Но вдруг девушка остановилась, сделала глубокий вдох, расслабляя сжатые кулаки.

Гнев чрезвычайно ей шел. Смугловатый румянец горел на высоких скулах, глаза под бровями вразлет сверкали серо-голубым льдистым пламенем, ноздри тонкого носа раздувались – если бы не идеально облегающий стройное тело, но безнадежно деловой костюм, то прямо Диана-охотница¹, а не какая-то там Юля! Она не любила свое имя. Юлия Андреевна – еще ничего, но вот Юля – нечто бесформенное, почти бесцветное, вроде медузы. А уж Юлечка... как люлечка, тьфу! Она всегда завидовала сестре Насте – вот имя как имя, а у нее... хуже только Ляля какая-нибудь.

Муж, еще до брака, когда они только познакомились, сразу начал называть ее Юла – с ударением на первый слог. Это звучало так экзотично, так возвышенно, так изысканно, что Юля начинала себя чувствовать как минимум Галой Сальвадора Дали. Впрочем, это в ее финэке – Ленинградском финансово-экономическом – были сплошь сугубо прозаические, как и она сама, Вадики, Коли и Наташи. В богемной компании Алексея (звавшегося, по неведомым причинам, Шерифом) Катя становилась Кэтрин, Костю почему-то звали Бонсом, Ваня был непременно Джонни или хотя бы Яном, Оля – Хельгой или Оллой, даже простецкая Наташа превращалась в загадочную Тати. Да и компания была постарше Юлиных однокашников, никаких студентов, все сплошь готовые гении, хотя и непризнанные. А некоторым кусочек признания уже обломился. Алексей, к примеру, числился автором двух довольно популярных песенок и пары-тройки «концептуальных», как они выражались, оркестровок классики, Бонс время от времени концертировал, все в каких-то мрачных подвалах, про Шушунчик (вообще-то Дашу) говорили, что ей Губайдуллина в подметки не годится. От мамы, учительницы музыки, Юля впитала чувство восторженного преклонения перед властителями звуков, так что иногда потом ей казалось, что она влюбилась тогда вовсе не в Алексея, а сразу во всю его компанию, в атмосферу богемности, избранности, почти божественности. Они были Творцы, Моцарты, их ждал музыкальный Олимп. Ее Лешеньку уж точно: отрывки симфонии, над которыми он работал, казались Юле абсолютно непонятными, не похожими ни на что из того, что привычно было с детства, а значит, были настоящим прорывом, подлинным новым словом в музыке. Собственно симфонию (или, быть может, это будет какая-то абсолютно новая музыкальная форма, ведь симфония – это старье, это скучно) будут исполнять в лучших концертных залах, о ней будут рассказывать в музыкальных школах – «это произведение конца XX века стало поворотным этапом в творчестве...» – так же как ее мама рассказывала своим ученикам о Бахе и Вагнере.

Жаль, мамы нет давным-давно, она только и успела, что дочек замуж выдать, даже до внуков не дожидая.

А великая симфония Лешенькина так и осталась лежать в набросках, так же как прочие «шедевры». Оперы, мюзиклы, концерты, оратории... «Нет, ты послушай, какая тема, ты послу-

---

¹ Диана – богиня растительного и животного мира, охоты, женственности и плодородия. (Прим. ред.)

шай, всего одиннадцать нот, а ведь до слез пробирает!.. А, что б ты понимала!» – говорил часто Алексей. Юля через несколько лет действительно перестала прислушиваться к «шедевральным идеям». Гладила ненаглядного по голове, говорила, что да, гениально, что надо продолжать, что творческий кризис – это временно... но – вслушиваться? Лешенька столько твердил, что Юля ничего не понимает в музыке, что она и сама в это поверила. Он – гений, ее же счастье – в заботе о том, чтобы гений мог спокойно работать. Вот Юля и старалась.

Ах, как она старалась! Чтобы не обременять любимого (как все «гении», он не снисходил до пошлого быта, полагая, что еда и чистые рубашки должны появляться сами собой, творческой личности неприлично обременять себя столь низменными заботами), девушка варила суп из топора и проявляла чудеса изобретательности, пытаясь совместить расходы с почти нулевыми доходами. Экономист она, в конце концов, или кто? Когда родилась дочь Машка, в их бюджет еще капали потихонечку гонорары за два Лешкиных шлягера. Это помогало держаться на плаву, но не больше. «Флагман отечественной индустрии», где отец когда-то был ведущим специалистом и куда Юля почти с восторгом устроилась (ну и что, что простым экономистом, зато перспективы! Престиж, в конце-то концов!) после института, постепенно превратился в утлую ржавую баржу. Ну и зарплаты «экипажа» (не считая, конечно, самой верхушки, но кто и когда считал зарплаты верхушки) вполне соответствовали дряхлому виду бывшего «флагмана». Как почти везде с началом «новых времен», платили нерегулярно и не полностью.

Брать деньги у отца Юля решительно не хотела. Особого тепла между ними и так никогда не водилось, а после маминой смерти отношения и вовсе застыли, как лужи под первым морозом – вроде и есть там еще что-то живое, но виден лишь белый застывший лед, который трогать себе дороже, злые осколки изрежут до крови. Иногда, впрочем, приходилось, стиснув зубы, терпеть «вспомоществование», да еще и дочернюю благодарность изображать. Никуда не денешься. Лешенькины «шедевры» скоро сменились другими такими же однодневками, так что ручеек гонораров, и поначалу-то не слишком обильный, через пару-тройку лет и вовсе иссяк. Редкие концерты – о да, его еще куда-то приглашали! – в заштатных клубах оплачивались, как правило, послеконцертным банкетом, где скудной снеди хватало на пару раз закусить, зато спиртное там текло реками. Юля выбивалась из сил, чтоб хоть что-то заработать, бралась вести бухгалтерию для разнообразных мелких контор, плодившихся с приходом «новых времен», как грибы, и с тоской наблюдала, как ее «моцарт» превращается в невзрачного лысого мужчинку с пивным брюшком и тусклыми глазами. Временами он еще брэнчал что-то на расстроенном пианино, но все чаще предпочитал клавишам кнопки телевизионного пульта: «Отстань, мне под телевизор лучше думается!» Или уезжал к приятелям «расписать пулюку». Возвращался за полночь, спотыкаясь, громыхая, сбивая с вешалки пальто и куртки. Как-то раз заснул, расшнуровывая ботинки – так устал. Иногда добирался и до пианино – это означало, что по дороге его осенило вдохновение. К счастью, рядом с пианино стоял диван, поэтому вдохновения хватало не больше чем на два-три тычка в клавиши.

Она не помнила, где читала – или, может, рассказывал кто-то – про «точку невозврата», «точку принятия решения»: если ее перевалить, дальше можно лететь только вперед, назад не повернешь, горячего не хватит. Глядя, как неверные пальцы мужа пьяно тычутся в клавиши, Юля понимала: Лешина точка невозврата давно пройдена. Был гений, да весь вышел. А у нее на руках – двое иждивенцев, которых хочешь не хочешь надо содержать, и содержать на более-менее приличном уровне. Иначе она сама себя уважать перестанет. Ну да ладно, контор, нуждающихся в услугах экономиста (Юля называла их «делянками», напевая «раз делянка, два делянка, будет денежка»), на ее век хватит, хватило бы только сил. Вспыхнувшую было как-то раз мысль о разводе она подавила мгновенно и безжалостно: дочери нужен отец. Маша, к Юлиному немалому удивлению, отлично ладила и с отцом, и с дедом, могла о чем-то – пусть хоть о телепередачах – подолгу с ними болтать. Поэтому – никаких разводов, хоть три «точки

невозврата» пройдены, но даже такой отец лучше, чем шипящее по-змеиному слово «безотцовщина». Юля и сама не могла бы сказать, почему ее так пугает это нелепое слово.

Дни потянулись, как годы – однообразные и безрадостные: работа, кухня, стирка, редкие поездки к морю – ребенку нужно солнце и витамины – и снова работа до мушек в глазах: финансовые планы, отчеты, дебет, кредит, аудит... Редкие встречи с отцом и сестрой: расправить плечи, надеть на лицо бодрую улыбку и всеми силами демонстрировать, что у тебя все в порядке, что ты, страшно сказать, счастлива.

– Я тоже имею право на счастье! – упрямо повторила Юля.

– Юлечка, доченька, остановись, одумайся! – Андрей Петрович выпрямился, качнувшись в кресле-качалке.

Юля привычно передернулась от «Юлечки», но прерывать отца не стала: миллион раз уже просила так себя не называть, бесполезно. Только поморщилась и промолчала.

– У тебя муж, ребенок, у тебя крепкая семья, такая, о какой мечтает каждый нормальный человек, – продолжал бубнить хорошо поставленный, без малейшего старческого дребезжания отцовский голос. – У тебя есть все для полноценной жизни счастливой женщины.

– Пап, ты сам-то себя слышишь? – устало усмехнулась Юля. – Полноценная жизнь счастливой женщины! С ума сойти! Оглянись, ты дома в кресле сидишь, а не с трибуны вещаешь. Еще пару фраз в таком духе, и должны следовать «бурные, долго не смолкающие аплодисменты». Почему ты всю жизнь разговариваешь так, словно в расчете на эти самые «не смолкающие аплодисменты»? Вот сейчас ты с кем говоришь? С группой товарищей? Или все-таки с дочерью? – Она поморщилась. – Да где там! Ты же у нас знаешь рецепт счастья! Делай все по правилам, и будет полное счастье! Но оно не подчиняется железобетонным правилам. Оно живое, понимаешь? Но ты, разумеется, убежден, что на меня просто блажь нашла, так ведь?

– Ты не права. – Отец обиженно поджал губы. – Я всегда старался защитить тебя и Настю, устроить, обезопасить вашу жизнь.

– Обезопасить? – Юля всплеснула руками. – От чего, боже мой? Чего мне бояться? На кой черт мне сдалась эта безопасность?! Ты слепой, если считаешь, что у нас крепкая семья. У нас вообще давно нет никакой семьи, хоть это ты можешь понять?! И никаких «нас» тоже давным-давно нет. Машка уже совершеннолетняя, самостоятельная. Муж, говоришь? Мой муж обьелся груш! У меня нет больше сил на него любоваться и пылинки сдувать, мне самой скоро сорок – и что? Пустота. Вакуум. Космический такой вакуум. Ледяной. Но я-то живая, я женщина, в конце-то концов! А поняла это лишь сейчас, на исходе третьего десятка.

– Юлечка, я понимаю, у тебя сейчас трудный период. – Андрей Петрович покашлял и опустил глаза. – Поэтому тебе хочется все переделать.

Юля сдвинула брови, не понимая, а потом вдруг расхохоталась:

– Что?! Ты думаешь... Если ты про климакс, то мне, к счастью, до него еще далеко. Я даже родить еще вполне могу. Если надумаю.

– Р-родить? – пробормотал отец с таким недоумением, словно дочь сообщила ему, что может, к примеру, ходить по потолку.

– А что тебя так удивляет? – Она пожала плечами, чувствуя, что и на этот раз разговор завершится ничем. Боевая ничья, все остались при своих и никакого тебе взаимопонимания, ни на грош, ни на йоту. – Я абсолютно здоровая и вполне еще молодая женщина, так что никаких препятствий. Почему бы мне действительно не родить еще одного ребенка? От кого-нибудь настоящего, не такого беспомощного слизняка, как мой, с позволения сказать, муж. Уже практически бывший, напоминаю. Только, я тебя умоляю, не начинай ничего придумывать на пустом месте. Я сказала «могу, если надумаю». А я вряд ли надумаю. Мне, пойми ты уже наконец, хочется пожить для себя, получить от этой жизни удовольствие, а не сплошной поток обязанностей... полноценной женщины. – Она фыркнула, как рассерженная кошка. –

Естественное желание совершенно нормального человека. Но тебе, конечно, проще считать, что дело в возрастных гормональных бурях, что надо просто попить каких-нибудь чудодейственных витаминов, или что там пьют бабы в «интересном» возрасте. Ты же лучше знаешь. Ты всегда все лучше знал. – Она чувствовала, что ее понесло, хотя никакого смысла в этом не было и бесполезно пытаться что-то объяснить, но высказаться все равно хотелось, ну вдруг до папочки хоть раз в жизни дойдет, что он вовсе не идеальный отец, каким себя мнит. – При этом даже не удосуживаясь хоть на пару минут вникнуть в наши с Настей дела. Ты с важным видом проверял в конце недели наши дневники – потому что именно так, в твоём представлении, должен себя вести заботливый отец. Ты покупал нам велосипеды – а сосед, чужой дядька, учил нас кататься и помогал их чинить. Тебе же было некогда. Один-единственный раз ты снизошел до того, чтобы поиграть с нами в мячик. Помнишь, на даче? Покидал пять минут, все с тем же важным видом, и пошел к своим взрослым гостям, с которыми требовалось обсудить важные дела. Государственный человек! Депутат! Ты был дядькой из телевизора, Андреем Петровичем Черновым, а не папой. Но при этом ты лучше всех знал, что нужно твоим дочерям для счастья: окончить престижный вуз, выйти замуж за приличного человека, родить ребенка. И, как ты выражаешься, жить полноценной жизнью счастливой женщины. Тебе наплевать, что я чувствую, ты уверен, что я должна слушаться, что должна быть правильной. Ведь хорошие, воспитанные дети очень украшают портрет государственного деятеля. И к матери ты так же относился. Достойная женщина, с которой не стыдно появиться на важном приеме...

– Не говори так о матери! Не смей! – Андрей Петрович дернулся, словно хотел встать. Но кресло качнулось, и он остался сидеть, только за сердце схватился.

Юля презрительно хмыкнула:

– Давишь на жалость?.. Не старайся, я все это уже видела, и не раз. Твоему сердцу неизвестно ни боль, ни счастье, ни любовь, вообще никакие человеческие чувства. Поэтому оно будет биться ровно еще очень долго. Как швейцарские часы. Пока!

Юля вылетела из квартиры, с размаху захлопнув за собой дверь.

Непредсказуемая питерская погода бросила в лицо мелкий колючий дождь, заставляя поеживаться, когда Юля вышла из подъезда. Гнев потихоньку отпускал. Наверное, не стоило так яростно спорить с отцом. Ведь почти старик, его не переделаешь, надо было помягче, поспокойнее. Ведь неправда, что ему наплевать. По-своему он за нее беспокоится. Зря она про швейцарские часы. И про маму напрасно напомнила. Конечно, отец ее любил. Ну... как умел. Совсем один сейчас, сдал за последние годы сильно. Но все ему кажется, что он до сих пор что-то значит в жизни, если не в жизни страны, то хотя бы собственной семьи, что до сих пор что-то решает. Поэтому с ним все так нелепо и выходит, что ни слово, все непонятно. Где уж ему в Юлиной жизни разобраться, когда она сама в ней никак не разберется. Не жизнь, а горная речка – крутит, вертит как ей вздумается, только и молись, чтоб о камни вдребезги не разбило. В последнее время у Юли все сравнения были оттуда, из Башкирии, хотя, казалось бы, в Питере прожила всю жизнь, а в Уфе всего ничего.

Хорошо хоть она ни о чем, кроме развода, отцу не рассказала, в запале ссоры долго ли не удержаться. Справилась. Молодец. Ну развелась она с Алексеем, все равно семья развалилась давным-давно, так что развод – логическая точка. А больше – стоп, молчок. Да и не о чем говорить. И главное – не нужно. Нельзя. Пока ничего не сказано вслух, кажется, что ничего и не происходит, что точка невозврата еще не пройдена. Порой Юле хотелось заснуть – надолго-надолго – а проснуться, когда настоящее станет прошлым. Далеким-далеким, как будто происходило все не с ней, а с какой-то другой женщиной, которую звали Юлия Андреевна Чернова. Ее тогда будут звать совсем по-другому, ну... скажем... Рената Солнцева... и никакой Юлии Черновой уже не будет. Так, смутное воспоминание.

Или впрямь остановиться? Пока не поздно? Но жизнь-река тащит неудержимо, и не день как год, а год как день, и высокое солнце зажигает волны слепящими бликами, и ледяные брызги остро колют щеки, и в подвздошь страх сладко мешается с восторгом...

Да и как остановиться? Значит, опять дни, как годы, однообразные, безрадостные и безнадежные? Еще десять, двадцать, сорок? Зачем? Чтобы убеждать себя в том, что упущенная возможность никакой такой возможностью вовсе не была, и ждать еще какой-нибудь судьбоносной встречи?

* * *

– Как – бухгалтером?! – ошарашенно воскликнул тогда бывший однокурсник Славик Ловцов, едва не опрокинув полосатый зонт над столиком летнего кафе, куда он привел ее, заявив, что встреча спустя столько лет – это судьба и им непременно надо поговорить.

Ну да, судьба. Вот так бежишь по улице от одной «делянки» к другой – и сталкиваешься с собственной судьбой. В буквальном смысле сталкиваешься. Потому что бегала в то время Юля, ничего вокруг себя не видя, вся в мыслях о Машкином будущем. Дочь выросла на диво рассудительная и до слез заботливая, вот и уперлась: пойду на вечерний, хватит на маминой шее сидеть, пора и на себя какую-то ответственность взять. Юля спорила с ней до хрипоты, доказывая, что учеба пополам с работой – не учеба, тем более на юрфаке. Настаивала: если до сих пор ее, Юлиных, сил хватало на то, чтоб зарабатывать достаточно, значит, и дальше хватит. Но Машка-Машенька-Маруся, жалея мать, упрячилась. Вот как ее убедить?

Тут не только на бывшего приятеля со всего маху налетишь, тут Александрийского столпа не заметишь, пока лбом не треснешься.

– Юлька, ты что?! – крутил головой Славка, когда она немного рассказала ему о своих «делянках». – Каким рядовым экономистом, каким бухгалтером? Ты ж финансовый аналитик от бога, такие специалисты сегодня на вес золота, а ты киснешь на каких-то левых «делянках», тьфу! Ты ведь лучшей на курсе была, я же помню!

Еще бы он не помнил! В студенческие годы Ловцов очень настойчиво за ней ухаживал, Юля даже начинала подумывать, что можно бы и роман закрутить... но тут на горизонте явился ослепительный «моцарт» Леша со своей не менее ослепительной компанией – и Славик получил полную отставку. Переживал, говорили, страшно. И, едва получив диплом, уехал «искать счастья». Ну, счастья там или нет, но в Башкирии, где он в итоге оказался, дела у «искателя» пошли более чем успешно. Начав, как и Юля, рядовым экономистом в никому не нужном отделе никому не нужной госконторы, он за пятнадцать лет стал членом совета директоров крупного нефтяного концерна.

– Юлька, ты ж понимаешь, что Питер – только по статусу центр, а на деле... Тут такая толкотня, такие битвы за хлебные места, что черта с два пробьешься, на приличную или хотя бы перспективную должность скорее двадцать раз возьмут чьего-нибудь тупого племянника, чем нормального специалиста. А в Башкирии и конкурентов меньше, и нефть какая-никакая имеется, а значит – деньги. Ну да, работать и там приходится с дураками, конечно. Ведь толковых людей, по правде говоря, не хватает. Знаешь, если бы мы сегодня не столкнулись, я, может, сегодня-завтра тебе сам позвонил бы.

– Да ладно, ты это сейчас выдумал, – протянула Юля, с удовольствием вспоминая полузабытые навыки флирта. В самом деле, почему бы и не пострелять немножко глазками? Ну и пусть, что у Славки теперь жена и двое детей, и тем лучше, не в койку же она его тащить собирается. Так, поулыбаться в свое удовольствие, почувствовать себя не замученной крестьянской клячей, а изящной, породистой скаковой лошадкой, гордой победительницей Дерби... ну или хотя бы участницей. – У тебя и номера-то моего нет...

– Номер выяснить – не проблема. Хотя, может, ты и права, и не позвонил бы, – легко согласился Славка, за прошедшие годы, похоже, окончательно излечившийся от своей «бесмертной» любви. – Но! – Он назидательно воздел палец и ухмыльнулся. – Раз уж мы вот так столкнулись, значит, мне тебя небеса послали.

– Ты думаешь, небеса? – все так же кокетливо прищурясь, протянула она. – Не преисподняя?

Ловцов пожал плечами:

– Юль, шутки шутками, но я серьезно. Мне позарез нужен специалист твоего класса и профиля. Не то чтобы других совсем нет, но свой человек всегда лучше. Короче, давай так. Я буду в Питере еще неделю, за это время ты сделаешь мне одну тонкую работенку. Попробуем? При расчете не обижу, само собой.

Не обижу – это было мягко сказано. Окинув наметанным взглядом содержимое полученного конверта, Юля охнула – приблизительно такую сумму она зарабатывала годовой беготней по «делянкам». Вдобавок Славка пообещал, что такие заказы будет давать регулярно – мол, постарайся, чтобы время было, подвинь там туда-сюда своих многочисленных работодателей.

Ну и Машуня, увидев «гонорар», сдалась – поступила на дневное отделение и окунулась в ту самую студенческую жизнь, за которую так рьяно агитировала ее мать. Юля радовалась, глядя на дочь, но это, пожалуй, было единственное, что ее радовало.

Алексей все чаще прикладывался к стопочке – уже не только «за компанию», но и сам с собой, перед телевизором. Впрочем, выпив, он не скандалил, не требовал уважения, а сидел, остекленело уставившись в видимую лишь ему точку, пока не засыпал.

Сестра Настя исполнила наконец свою давнюю «угрозу» и переехала в Германию. Хотя и не были они с Юлей особенно близки, а уж в последние годы тем более, но все же...

Отец, вылетев в какой-то момент из депутатской «обоймы», превратился в простого пенсионера. Ну не совсем уж «простого», денег-то со своих «государственных» забот он все же прикопил. Но сладостное ощущение собственной значимости утратил и теперь любыми способами пытался возместить утрату, регулярно звонил и подолгу учил взрослую дочь уму-разуму, сводя каждый разговор к «нужно наконец как следует поговорить с Настей, что еще за Германия такая, нечего там ей делать». Юля почти не слушала, отделиваясь междометиями.

Оживала она только в аэропорту. В Башкирию приходилось летать часто. Поначалу еще беспокоилась – как тут без нее домочадцы справятся, – но оказалось, что Алексею было достаточно довольно скромной суммы на «наущные потребности», а Маша вполне обходится без материнской опеки и даже иногда тяготится ею, а отец... Ну что – отец? Не бедствует, здоровье более-менее в норме, обихаживает себя сам (на самом деле хозяйство давным-давно вела домработница, но называлось это, конечно, «сам») – чего ж еще? Поговорить? В смысле – выслушать очередные «родительские» наставления? Ну извините, недосуг, работать надо.

Вот что тянуло ее в Уфу сильнее всего – работа. Настоящая, интересная, увлекательная. И – да, очень «нехило», как выражались Машунины приятели, оплачиваемая. «Делянки» были с удовольствием оставлены – пусть другая дура ими занимается, – и Юля неожиданно обнаружила, что у нее теперь не только денег достаточно, но еще и свободное время откуда-то появилось. Она посвежела, привела себя в порядок, обновила гардероб и... заскучала. Обновлять гардероб ежесезонно ей было неинтересно, светские тусовки и вовсе не привлекали. Ах-ах-ах, вы были на последней премьере Козюлькина? Это божественно, настоящий прорыв в мировой культуре (ей всегда казалось, что «прорыв» – это про фурункулы или канализационные трубы, но полагалось говорить именно так), это нельзя не смотреть, там собираются все-все-все! У нас была ложа рядом с... тут следовала какая-нибудь громкая фамилия, желательно из первого

десятка. Юля вспоминала Эллочку Щукину в ее соревновании с «Вандербильдихой»² и хихикала в платок.

Но если не развлекаться «культурными прорывами» и неделями моды в Милане, чем же себя занимать? Оказалось, что деньги плюс свободное время – еще более верный путь к депрессии, чем отсутствие того и другого. Юля вспоминала прочитанную где-то и когда-то историю о рыбках, выросших в аквариуме: когда их выпустили в озеро (или в описании эксперимента упоминался пруд? впрочем, не важно), рыбки так и продолжали плавать «от сих до сих». Словно бы от стенки к стенке. Будто видели эти стеклянные стены, меж которых выросли, хотя в открытом водоеме никаких стенок, разумеется, не было и плыть можно было куда угодно.

Неужели и я – такая же безмозглая рыбешка, почти в ужасе думала Юля. Я так и буду всю оставшуюся жизнь плавать от стенки к стенке? И никогда не будет ничего яркого, слепящего, головокружительного? Ну хоть бы что-нибудь случилось, поскуливала она, как замерзающая собака. И тут же пугалась – вдруг это «что-нибудь» ударит по кому-то из близких? Нет-нет-нет, пусть у Машки все будет хорошо, пусть случится только у меня...

* * *

– Юль, тебе еще не надоело? – неожиданно спросил Славка во время одного из ее визитов в Уфу. – Болтаешься между небом и землей.

– В каком смысле? – насторожилась она.

Ловцов глядел на женщину снисходительно:

– Так ведь летаешь сюда из Питера чуть не каждые две недели. И тут сидишь не по одному дню.

– И? – Юля все еще не понимала, к чему этот разговор.

– Вакансия, знаешь, образовалась. – Славка покрутил ладонями как бы в восхищении от прекрасности этой самой вакансии. – Финансового аналитика, как раз по твоему профилю. Твои отчеты аналитические – это ж сказка и песня. И выбрано всегда все до самого доньшка, и связи все выявлены, и предложения нестандартные. Сколько можно в нештатных консультантах болтаться? Оклад, сама понимаешь, пожирнее будет, чем твои разовые гонорары. – Он подмигнул. – Ну и карьерные перспективы... Хочешь в совет директоров?

– Да ладно, какой из меня директор, – с сомнением протянула Юля. Все-таки ненаглядный Лешенька с его «ты ничего не понимаешь» самооценку ей подпортил изрядно. Однако внутри сладко и холодно трепыхнулось предвкушение.

– Да ой! – ухмыльнулся Славка. – До совета директоров тебе еще пахать и пахать, может, и не дотянешь, это я так. Зато место финансового аналитика ждет тебя прямо сейчас. Решайся. Квартиру тебе для начала за счет концерна арендуем, потом что-нибудь свое придумаешь, захочешь – квартиру подберешь, захочешь – дом построишь. Возможности, сама понимаешь, у тебя будут. Ну как?

– Да вроде не тот у меня уже возраст, чтобы карьеру начинать, – осторожничая, ответила Юля.

– Ну ты, мать, даешь, – хохотнул Ловцов. – Чего это ты себя в старушки решила записать? Ты у нас очень даже ничего, вон как наши мужики на тебя засматриваются. Интересуются регулярно – чья, мол, красотка? А я им – цыц, девушка самостоятельная, сама себе постель стелет, и вообще руки прочь от советской Кубы! Тоже мне «возраст». Неужели не замечала? Да я и сам не прочь...

---

² Смыслом существования Элочки Щукиной были порядок и «светская жизнь». Не имея себе в этом равных в своем кругу, она часто вела соревнование с заморской Вандербильдихой, о которой читала в модных журналах. (Прим. ред.)

Юля замечала, конечно, что Славка поглядывает на нее не только как на коллегу и отличного специалиста. Не то «прежняя любовь», которая, говорят, «не ржавеет», всколыхнулась, невзирая на жену и двух чудесных близнецов. Не то взыграло желание взять реванш – все-таки тогда, в институте, она им пренебрегла. Но вел себя бывший однокашник достаточно красноречиво: то плечом прижмется, то приобнимет, пропуская в двери, то чмокнет в щечку – вроде как от восторга перед блеском ее очередного аналитического отчета. А ей, что греха таить, все это изрядно льстило. Какая разница, что именно Славкой движет – память о бывшей влюбленности, печаль о неслучившемся романе или уязвленное когда-то самолюбие, – мелкие знаки откровенного мужского интереса согревали. Действительно, не рано ли записывать себя в «почетные пенсионеры большого секса», как говорила Юлькина подруга Маргоша? Да и то сказать, не было у Юли никогда этого самого «большого секса». Только муж, и то – как будто в какой-то другой жизни. Ни знойных страстей, ни даже мелких любовных интрижек. Работа, кухня, дочка, работа, стирка... Как пелось в детской песенке – «пони бежит по кругу и в уме круги считает...».

– Ладно, мое дело – сказать, – вздохнул Ловцов, глядя на растерянную Юлю. – Поезжай в Питер, подумай хорошенько. Но не тяни, такие предложения не каждый день делают.

Думать над предложением она начала уже в самолете. Моторы усыпляюще гудели, за иллюминаторами клубилась ночная мгла, но ей не хотелось ни дремать, ни даже читать. Мозг – как во время размышлений над финансовыми сплетениями – безукоризненно просчитывал все плюсы и минусы, все обстоятельства и возможности. Плюсы торчали из каждой щели. Вместо того чтобы ждать, как отдушины, поездок в Уфу и маяться, не зная, куда себя приткнуть, в Питере, она станет, наоборот, жить в Уфе, а в Питер летать, чтобы навестить родных. Нет, карьерные перспективы не казались Юле особенно радужными – это уж как выйдет. Но вот прямо сейчас у нее будет увлекательная, интересная и, что немаловажно, любимая работа. Причем постоянно, а не урывками, которых ждешь – ну скорей бы! Что там в минусах? Холостяцкий быт в казенной квартире? Да ой! Она поставит туда самую крутую стиральную машину и забудет холодильник деликатесами или вообще станет обедать-ужинать в ресторанах – после чуть не двадцати лет кухни и стирки это ж будет просто счастье! Никакого быта – даже дух захватывает, честное слово! Ну а уж если казенная квартира покажется слишком казенной, кто мешает обустроить ее, превратить в уютное гнездышко? Да и не навсегда же это, временно. А главное, говорила она себе, ты ж на стенки лезла, умоляя, чтобы хоть что-то случилось – и вдруг такая возможность поменять все! И... не начать ли думать уже о разводе? Просто чтобы расставить точки над «i»? Алексей окончательно превратился в «диванный овощ», в полуотрезанный ломоть. Ну и отрезать его совсем. Отец без нее отлично справится, не беспомощный. Вот только что еще Машуня скажет... но, в конце концов, Юля же будет приезжать, и, наверное, часто.

Разговора с дочерью она опасалась напрасно. Выслушав, Маша усмехнулась, достала из сумочки зеркальце и сунула матери под нос:

– Видишь?

– Что? – не поняла Юля.

– Ты от одной мысли о возможности помолодела на пятнадцать лет. Погляди, погляди! Глаз горит, кожа сияет, улыбкой полгорода осветить можно. И ты еще спрашиваешь, как я отнесусь к твоим перспективам? Хватайся за них обеими руками! А когда будешь прилетать, будем куда-нибудь ходить и делать вид, что мы сестры, на мать ты сейчас точно не похожа, молода слишком! – и Маша рассмеялась, явно довольная описанной перспективой.

Дополнительным бонусом переезда стала для Юли башкирская природа. После просторной, но туманной и очень городской, предельно рукотворной красоты Питера тут все казалось невероятно... она не могла подобрать слова... первобытным? Настоящим? На фоне торжественного, невзирая на мрачные дворы-колодцы и жутковатые подворотни, Питера –

Уфа выглядела скромненько, даже скучновато – и при том удивительно уютно. А уж вокруг... Холмистые степи, накрытые высоким небом, как гигантской синей пиалой, стремительные, неправдоподобно прозрачные речки, бегущие с южных отрогов Урала, кудрявые леса – почему у человека всего два глаза, думала Юля, этого мало на все это великолепие! Красота, которая существует уже миллионы лет, она была, когда человек еще не появился, и никуда не денется, когда человек отсюда уйдет. В этой мысли было что-то странно успокаивающее. Ну да, Юля регулярно возила Машку на море. Но между лакированной курортной открытостью и диковатыми башкирскими просторами разница была как между пластилиновой хот-договской булочкой и пышным караваем, какие пекли в маленькой булочной-пекарне возле ее нового дома. Юля покупала еще горячий хлеб по дороге с работы: от запаха можно было сойти с ума, и когда, не удержавшись, она потихоньку отщипывала краешек, солнечно-рыжая корочка хрустела так сладко, так упоительно...

Пожалуй, единственной каплей дегтя – да и то не «дегтя», а «непонятно чего» – стала неожиданная активность бывшего однокашника. Если раньше Ловцов только намекал на то, что Юля для него не только коллега и отличный специалист, то теперь повел осаду по всем правилам. Дарил цветы – и если бы только цветы! Приглашал в рестораны, напрашивался в провожатые. Под всевозможными предложениями задерживал на работе, но, оставшись с ней наедине, болтал о чем угодно, только не о делах. Любил сводить разговор к прежним временам, к бесконечным «а помнишь?», словно подталкивал потихоньку к мысли, что судьба вернула им упущенный когда-то шанс.

Юля старательно гнала от себя мысли о том, что у Славки жена, дети и вообще, по слухам, совершенно счастливая семья, а значит, все эти ухаживания – очень настойчивые, надо сказать, – абсолютно бесперспективны. Но ведь и ее семью все считали чуть не идеальной, а на деле? Да и в конце-то концов, с какой стати она должна размышлять о перспективах, тем более – об охране чужого семейного счастья? Воистину, выработанная за долгие годы самостоятельность – ты сильная, ты сама за все отвечаешь – не лучшая привычка для женщины. Так хочется уже почувствовать себя защищенной, укутанной в чью-то заботу.

Провожая ее после очередного ужина в ресторане, Славка вдруг настырно поперся «смотреть берлогу», заявив, что «должен же он убедиться, как устроился его лучший специалист». Ну а что? Предлог не хуже любого другого. Главное ведь – зайти в квартиру и закрыть за собой дверь. Дальше начинают говорить глаза, руки, губы – без слов, потому что когда двое хотят одного и того же, слова без надобности.

Хотят? Оба? Юля прислушивалась к себе, к разгоравшемуся внутри темному жаркому пламени – все-таки у нее уже очень давно ничего «такого» не было. Так давно, что начало казаться, что никакой страсти в природе не существует, разве что во сне. Но тело – тело-то помнит! И требует свое!

В глазах у нее темнело, колени дрожали и подгибались, хотя в ресторане они и выпили всего-то по паре бокалов сухого. В подъезде Юля споткнулась на лестнице и если бы Ловцов ее не поддержал, наверное, покатила бы по ступенькам. Черт побери, она даже перед свадьбой так не трепетала! Как будто там, за дверью собственной – пусть и казенной – квартиры, приоткрылось начало волшебной сказки... И начнется новая жизнь, яркая, сверкающая, где носят на руках и с неба сыплются звезды!

Сказки, впрочем, не получилось. И звезды не сыпались. Поначалу Юля винила себя, даже поплакала – что ж я за ледышка бесчувственная! – но недолго. Любовная страсть – танец для двоих, а если, как в старом анекдоте, «не догоню, так хоть согреюсь», какие уж тут звезды.

Впрочем, и согреться-то толком тоже не получилось. Нет, грех жаловаться, нежный любовник Славка был вполне, гм, нежен. Но приблизительно так, как нежны супруги в окрестностях серебряной свадьбы. Без восторгов и головокружения. И на руках Юлю носить он вовсе не собирался. И уж тем более не собирался ничего менять в своей жизни. Да она и не спра-

шивала, и так все было очевидно. Роман романом, а семья семьей. Вообще-то справедливо, размышляла она. Я ж ни мгновения не думала о нем как о возлюбленном. Добрый, милый, приятный, даже заботливый. Но – любовь? Да ни грамма! Значит... Значит, я просто «отблагодарила» Славку за то, что вытащил меня из тяжелой ситуации? Фу, гадость какая!

Было бы за что себя казнить, вступал в неприятный внутренний диалог холодный аналитический разум. На ситуацию ведь можно взглянуть и с прямо противоположной точки. Не через силу же ты в постель с Ловцовым легла. В целом все это хоть и без особых восторгов, но довольно приятно. Так что кто тут кого «отблагодарил» и кто кем «пользуется» – это еще вопрос. Оба. И чего тогда маяться какими-то дурацкими угрызениями? Секс по дружбе ничуть не менее благороден (если секс вообще можно назвать благородным), чем секс по любви. А что голову не сносит, так оно и к лучшему. Вот семью чужую разбивать – это уж точно неблагородно.

Сам же «герой-любовник», кажется, даже испытывал облегчение, когда Юля на очередное приглашение отговаривалась занятостью, насморком или усталостью. Чего-чего, а проблем для собственной семьи он уж точно не хотел. А скрыть постоянную связь в небольшом, в сущности, городе, тем более внутри одной корпорации, – вещь совершенно невозможная. В общем, едва начатый роман так и закончился «одним заглавием». Юля, слегка для порядку попереживав, этому была скорее рада. Ну да, любви хочется, конечно, но это уж как судьба распорядится. Если суждено это пламя – явится, разрешения не спросит. Вон весна – деревья за окнами как раз оделись нежным зеленым «пухом», готовым вот-вот превратиться в сочную зелень настоящей листвы, – является, когда время ее пришло. А если не суждено... Ну, значит, получай удовольствие от всей остальной жизни. И главное – от работы. Уж она-то не разочарует! И Юля с головой окунулась в свою финансовую аналитику.

* * *

Завершив очередной проект, Юля внезапно обнаружила, что вокруг повсюду сверкает и бурлит лето. И ладно бы просто сверкало – так ведь июль уже на исходе, не успеешь оглянуться, как налетит осень, а там и зима не за горами. Опять, выходит, она, как та пони, по кругу начинает бегать? Сколько можно уже скитаться в дебрях финансовой отчетности, ведь какой бы интересной ни была работа, жизнь не может – не должна – состоять из одних только цифр.

Она взяла двухнедельный отпуск («конечно, конечно, Юлия Андреевна, если ваше руководство не возражает, никаких проблем»; ну а руководство – Ловцов – «не возражало», еще бы!) и как будто остановилась в растерянности. Собиралась-то, разумеется, в Питер слетать, но очевидные планы – еще не значит лучшие. Внезапно обнаружилось, что Маша «вот прямо завтра» отправляется с друзьями на любимое Черное море, отец «за былые заслуги» выбил себе путевку в ведомственный санаторий, Алексей (его-то, собственно, и видеть не особо хотелось) практически переселился на дачу, и, значит, делать в Северной столице, строго говоря, нечего.

– Ой, можно подумать, на твоём Питере свет клином сошелся! – фыркнула хорошенькая темноглазая и темноволосая Ася, с которой Юле так нравилось шушукаться за чашкой чая. У нее ведь никогда, по сути дела, не было подруг, тем более на работе. Какие подруги, когда время приходится рассчитывать по минутам. А вот эта необязательная болтовня о бессмысленных «девичьих» пустяках – ох, какое это, оказывается, удовольствие! Главное, думала Юля, что болтовня должна быть именно пустяковой. Впрочем, у смешливой Аси все были «пустяки».

– С понедельника отпуск? – деловито уточнила она. – Вот и расчудесно! И у меня тоже. И еще у... не важно, после познакомишься. Пойдем с нами на рафтах. Мы в субботу выезжаем,

чтобы выходные к отпуску прихватить. По Большому Инзеру, дней на десять. Не с самых верховьев, конечно, а пониже, там, где трасса попроще.

– На чем? – переспросила Юля.

– На рафтах, – повторила Ася. – Это такие катамараны надувные, для сплава. Ну вот как спасательные плоты, только те круглые, а рафт, чтобы управлять можно было, длинный. Я их больше, чем байдарки, люблю, как-то на них спокойнее. На байдарке чуть что и кильнешься, а рафт перевернуть – это сильно постараться надо. Вот, гляди, – Ася выудила откуда-то пеструю блестящую фотографию.

Вот уж чего там не было, так это спокойствия. Под узкой полоской небесной синевы меж хищных серых камней кипела и бурлила веселая, белая от кипения вода, над которой ослепительно сверкали частые хрустальные брызги. В белых бурунах, в стеклянных волнах, в веселой воде летел... летело... летели... Юля не сразу поняла, что она видит. Больше всего это было похоже на две гигантские – если сосна над камнями была настоящей сосной, а не игрушечным бонсаем, – оранжевые сардельки. Между ними и на них размещались люди в странных толстых ярких жилетах. Там, где перетянутые темными поясами «сардельки» смыкались – на «носу» оранжевой конструкции, – устроился человек во всем темном, не то черном, не то синем. С самого края, полуобернувшись к снимающему, сидела... Ася? Она хохотала взхлеб, на темных волосах бриллиантами сверкала водяная пыль, на смугловатых щеках играл оранжевый отблеск.

В снимке было столько жизни, что казалось – это не фотография, а остановленное «стоп-кадром» видео. Сейчас неведомая рука отожмет кнопку «пауза», и все придет в движение: вода, люди, ветер, солнечные блики... Юля инстинктивно вскинула руку – защищаясь от летящих в нее брызг:

– Что это?

– Ну рафт же! – засмеялась Ася. – Вот надувные баллоны, между ними рама и днище. Спереди смыкаются, это удобнее, получается что-то среднее между катамараном и лодкой. Спортивные поменьше, а есть большие, чуть не на двадцать человек. У нас не такие здоровенные, две восьмерки, а народу всего двенадцать душ, да еще детишек двое, но их можно не считать, так что тебя прихватить – самое милое дело. Нравится? – она помахала фотографией.

– Очень! – выдохнула Юля. – Но... я же не умею.

– Ю-у-уль! – Ася скорчила рожу. – Чего там уметь-то? Не в «шестерку» ведь идем, маршрут – легче не бывает. И никто ж тебя не посадит управлять. Можешь вообще пассажиром без весла плыть, на стоянках каждая лишняя пара рук на вес золота – ставиться, за костром следить, шмотки сушить, за мелкотой присматривать, кашеварить и все такое. Главное, чтоб человек был не нытик. А ты вон какая самостоятельная и улыбаешься все время. И руки у тебя из правильного места растут. И физическая подготовка – вполне.

– Но до субботы всего два дня, – растерянно протянула Юля, – даже меньше, а у меня...

– Тц, – цыкнула Ася. – Спасжилет тебе найдем лишний, и вообще все найдем, даже покупать, скорее всего, ничего не придется. Ну кроме продуктов, конечно. Вообще-то сейчас и купить не проблема, но на первый раз, на попробовать, смысла нет, у меня лесного барахла полшкафа, габариты у нас с тобой примерно одинаковые, так что все тебе подберем – и штаны, и штормовки, и обувь. Даже футболки. Хотя их-то у тебя, наверное, и своих навалом. Рюкзак тебе свой старый отдам. Он хороший, ты не думай, просто мне в прошлом году новый подарили, а тот остался лежать. Так что давай, а? Юль, там такая красота! Я тебе клянусь, будешь засыпать в обнимку с фотоаппаратом, все твои питерские друзья обзавидуются, когда снимки увидят.

Да что там – питерские друзья! К вечеру первого сплавного дня Юля уже сама себе завидовала.

В полдень, когда солнечные лучи казались струями огня, льющимися на непривыкшую к жару кожу, поверхность воды дарила спасительную прохладу. Береговые скалы будто декорации для какого-нибудь доисторического «За миллион лет до всего» вдруг расступались, обнаруживая крошечную полянку, сплошь заросшую то земляникой, то пестрым цветочным «газоном»: вот сейчас из-под листьев выглянут эльфы, а из-за пограничной скалы – пара сердитых гномов. Юля действительно не расставалась с фотоаппаратом, щелкая все подряд – цветы, скалы, незнакомых птиц, выпрыгивающую из воды или уже пойманную рыбу, – но ни эльфов, ни гномов в видоискатель так и не попало. Ничего, еще почти неделя впереди, смеялась она, непременно какой-нибудь гном или хотя бы леший на нас выскочит.

Большой Инзер оказался вовсе не большим, но с норовом, иногда пугающе непреодолимым. И пусть опытные сплавщики говорили, что Большой Инзер – прогулочная трасса для «малышовой группы», вот рядом, на притоках, вот где настоящей экстрим, Юле хватало адреналина и тут. На внезапных перепадах казалось, что катамаран так и не выберется из бешено бурлящих водоворотов или попросту впечатается в нестати подвернувшуюся скалу, выбросив экипаж на потеху дождающимся на дне русалкам. Когда проходили Сарыштинскую шиверу – долгий перекат с грозно выступающими из воды валунами (а вдруг древние чудища живут не только в Лох-Нессе?), – она ждала катастрофы каждую секунду.

Сглатывала, невольно закрывала глаза и, борясь с бегущей по спине обжигающе ледяной струйкой паники, прижимала ладонь к спасжилету. Ну что ты, глупая? На дно не пойдешь, это уж точно! Да и какие тут русалки?

Хотя по утрам, когда длинные языки полупрозрачного тумана облизывали берег, смыкались сплошным колеблющимся покрывалом, скрывая камни, деревья, воду, – вот тогда рациональные доводы тоже пропадали, словно туман забирался и в голову тоже. Ну не может же в таких местах, где каждый камень, каждый поворот, каждое кривое, как кикимора, дерево дышат, обещая тайны и загадки, не может тут не быть эльфов, гномов, леших, русалок или еще какого сказочного персонажа.

Вскоре после Сарыштинского переката они разбили лагерь неподалеку от заброшенной деревушки Кызыляр, ничем не интересной, кроме располагавшейся рядом знаменитой Кызылярской пещеры – длинной, запутанной, таинственной и манящей. Темневший на высоком скалистом склоне вход одновременно пугал и притягивал. Жаркий солнечный день, стоило сделать два-три шага внутрь, сменялся загадочным сумраком и сырой прохладой. Далеко они, впрочем, не пошли – боялись заблудиться, спелеологического снаряжения в их багаже не было. Так что побродили только по галереям вокруг входа, озябли и заторопились на солнышко.

Только Юля, подчиняясь какому-то неведомому импульсу, задержалась.

Царившая в пещере тишина ее ничуть не пугала, наоборот, словно помогала сосредоточиться, чтобы увидеть, понять и почувствовать что-то очень важное. Здесь, в каменном чреве земли, было удивительно хорошо, удивительно спокойно, удивительно... правильно. Все страхи, сомнения, стремления – вся былая суета – словно остались там, на поверхности. А здесь царил сумрак. Обступал, баюкал, смывал прошлое, наносное, лишнее, совсем ненужное. Юля замерла, не понимая, что происходит, лишь наслаждаясь внезапно охватившим ее покоем и умиротворением. Наверное, это и есть та самая нирвана... Но даже эта мысль была здесь пустой, никчемной. Думать было не нужно, необходимо было только впитывать это спокойствие и погружаться в него, растворяться, сливаться с ним. С великой пустотой, из которой должно родиться что-то неизведанное, прекрасное, главное.

– Ю-у-улька-а-а! – Отдаленный крик заставил вздрогнуть, очнуться, развеять странное состояние и вернуться к жизни. Действительно, нужно уходить, все, наверное, беспокоятся, куда она пропала. Юля с сожалением обвела взглядом массивные каменные своды, в луче фонарика казавшиеся странно легкими, как будто летящими. Пещера о чем-то рассказала ей, пре-

подала какой-то очень важный урок, вот только смысл его так и остался там, за гранью той великой пустоты.

Снаружи сверкало такое яркое солнце, что Юля на секунду даже зажмурилась. И не только солнце – все краски окружающего мира показались вдруг невероятно яркими, все линии – неправдоподобно четкими. Словно с глаз сдернули туманную пелену.

– Юля! Мы уходим, догоняй! – Ася махала ей снизу.

Помахав в ответ – мол, вижу, иду, – Юля начала спускаться в маленькую пеструю долину. Осторожно, как, наверное, двигается новорожденный жеребенок, еще не научившийся владеть своими ногами. Это потом он будет лететь, обгоняя ветер, между волнистой зеленой травы и слепящей синевой неба, потом. Первые шаги – робкие, неуверенные, шаткие. Как обещание будущей скорости. Юле казалось, что не только краски вокруг, что и тело у нее – новое. Словно вместо прежней Юли появился на свет совсем другой человек – сильный, решительный, готовый к неожиданностям и не боящийся риска, наоборот, наслаждающийся даже зыбкостью камней под ногами.

Что это со мной, в самом-то деле? На солнце, что ли, перегрелась? Или, наоборот, в пещере перемерзла? Да нет, включилась привычная рациональность, отдохнула как следует, вот и прилив сил, и ощущение прекрасности любого завтра.

И она бегом, перескакивая с камня на камень, не побежала – полетела вслед за уходящими вперед спутниками.

У вечернего костра Олег – «командор» их «эскадры» – объявил:

– Завтра отдыхаем. Место отличное, поставились хорошо. Купаемся, загораем, постируем шечки – кому что, в общем. И Смелый завтра обещал подгрести.

– Смелый? – Ася картинно всплеснула ладошками. – А мы тут что? Зайки трусливые?

Олег засмеялся:

– Да нет, это фамилия такая – Смелый. Зовут его Алекс, но чаще по фамилии, очень уж она ему подходит. Да неужели не слышали? Про него тут уже народные эпосы складывают. Мало того что сплавщик от бога, реку чувствует, как... – Олег закрутил головой, не в силах подобрать достойное героя сравнение. – Так еще и удачлив как черт. Сколько раз уже его буквально хоронили – а он выкарабкивался. Вообще-то в последние годы он все больше по Кавказу бегает, там потоки нашим не чета. Но вроде хотел опять сюда перебраться, сейчас приличные маршруты ищет. Ну... в его представлении приличные – это где уровень сложности выше максимально возможного, а с ним, соответственно, и риск, и адреналин.

– И чего он тогда забыл на нашей детсадовской трассе? – фыркнула Ася.

– Да ему в Инзер надо. В поселок и на базу. Ну, одну из, их там несколько. Так что остаток пути с нами пройдет.

– Ну все! Значит, теперь можно до самого Инзера дрыхнуть по рафтам, пусть они сами плывут как хотят, – не унималась Ася. – Ну, раз он такой везунчик, значит, сплав сам пойдет, можно ни о чем не беспокоиться, и так дошлепаем.

– Асенька! – Олег повел плечом. – Шутки шутками, а у Смелого и впрямь за весь стаж – ни одного несчастного случая. В том смысле, что всякое на маршрутах бывает, но все живы, все целы. Невзирая на неожиданности.

– Ох, неожиданности – это да, – донеслось из прикостровой темноты. – Помню, у нас как-то на чистой воде шука – представляете, здоровенная такая дура, как бревно...

Как водится, истории посыпались горохом: про «невидимые» пороги, про оверкили, коварные «бочки», «спящие» под берегами топляки, обманчивость лунного света... Юля быстро заскучала – за последнюю неделю она наслушалась сплавных баек выше крыши – и отправилась спать. Глаза слипались что-то совсем невыносимо, едва хватило сил дотащиться до их с Асей палатки. Спать, спать...

Снилась ей пещера.

Поднялись на следующий день поздно. Лениво купались, разморенно валялись под утренним, еще не обжигающим солнцем, перебрасываясь незначущими репликами ни о чем.

– Юля, ты сегодня дежурная, не забыла? – Александр Васильевич, в соответствии с именем-отчеством³ предсказуемо награжденный прозвищем Адмирал, самый старший в их компании, любил изобразить из себя командира. К тому же вечно хотел есть, хотя вес его давно превысил норму. Александр Васильевич вздыхал, говорил, что будет себя ограничивать, и держался изо всех сил, провожая голодными глазами каждый кусок, отправляющийся в рот соседа. Хватало этой борьбы на день. Вечером, в крайнем случае – к следующему утру, как сейчас, Адмирал готов был соперничать с Робинотом Бобином и набрасывался на еду чуть не с ожесточением. Словно бы не ел, а уничтожал страшного врага. Все шутили, что его «корабль» самый опасный, потому что не сегодня-завтра сядет на дно под грузным адмиральским телом. На шутки Александр Васильевич только слегка хмурился, мол, что взять с молодежи, и продолжал «командовать». – Обед у нас сегодня планируется?

Юля нехотя поплелась к наскоро оборудованной справа от палаток «кухне»: очаг, плоский чурбачок вместо кухонного стола, пара бревен – картошку удобнее чистить сидя. Ох, картошку чистить! Может, кулешом обойтись? Засыпал в кипящий казан крупу, тушенки вывалил – и никаких хлопот. Но нет, не поймут: стоянка длинная, значит, какой-никакой супец надо сварганить, каша всем поднадоела, макароны тоже.

Хлопоча у костра, она как-то увлеклась, словно забыв об окружающем мире. Только неустойчивый сегодня ветерок, как ни повернись, бросал в глаза щиплющий дымок. Юля отворачивалась, отбивалась от надоедливой сизой струйки, как от живого существа. Потом ветер сменялся, она вновь сосредотачивалась на готовке, мурлыча себе под нос незатейливые песенки.

– Девушка, вам мяса в суп не надо?

Полуочищенная картофелина выскользнула из пальцев и откатилась почти к самому костру. Юля сердито поймала беглянку и только после этого подняла голову.

Стоявший рядом мужчина – оттого, должно быть, что Юля смотрела снизу вверх, – показался гигантом. Солнце светило у него из-за спины, прямо ей в глаза, так что виден был только темный, очерченный солнечной каймой силуэт.

– Добрый день, – настороженно поздоровалась она, поднимаясь и делая пару шагов в сторону.

Теперь незнакомца можно было рассмотреть. Высокий, широкоплечий, увенчанный буйной копной темно-русых волос, местами выгоревших до белизны. И – через всю левую щеку – кривой, зигзагом, рубец, странным образом не уродовавший красивое хищное лицо, а словно бы добавлявший ему привлекательности. Шрамы украшают мужчину, вспомнилась Юле избитая фраза.

В руках – Юля сперва не поверила собственным глазам – незнакомец держал... олененка. Да нет, не олененка, целого оленя. Ну не марала, конечно, но...

– Косуля, – улыбнулся гость. – Шел к вам верхом, там перелесок, гляжу, стоит, красавица! Подкрался с подветренной стороны – и вот, повезло. Сильная, еле держу.

Впрочем, напряжения не выдавало ничто. Да и косуля вроде бы не проявляла желания освободиться – не билась, не вырывалась, словно плен ее вполне устраивал. Присев со своей ношей на одно из бревен, мужчина выдернутой из кармана веревкой легко спутал красавице ноги и уложил ее на землю. Погладил по голове – косуля прикрыла глаза, как будто от удовольствия.

---

³ Александром Васильевичем звали адмирала Колчака.

– Лежи, красавица! – Он погладил ее еще раз и повернулся к ошеломленной Юле. – Детишкам вашим покажу, потом отпустим. Вот, кстати, и они.

Действительно, компания спешила к лагерю. Приближался обед.

– Алекс! Здорово, бродяга! – Олег радостно раскинул навстречу гостю руки.

Так вот он какой, легендарный местный герой, думала Юля. Хорош, нечего сказать!

Смелый и впрямь был хорош: гибкий, как кожаная плоть, поджарый, как гепард, он двигался с грацией хищного, очень опасного, но удивительно красивого зверя. При ближайшем же знакомстве оказался общительным и вполне свойским парнем. Дети ходили за ним как привязанные, ловя не то что каждое слово – каждое движение бровей. Да и взрослые моментально поддались мощному обаянию «живой легенды». Прирожденный лидер, что тут скажешь. За что бы Алекс ни брался, все у него выходило красиво и увлекательно. Даже поднадоевшие походные байки, которыми он развлекал общество вечером, звучали в его устах свежо и интересно. Да, в большинстве историй он оказывался героем – но вовсе не героическим, а, как правило, смешным, даже нелепым. Легендарный сплавщик готов был – и умел – посмеяться в первую очередь над собой, это импонировало и, что греха таить, привлекало. Да что там, в Смелом привлекало все – прямой, уверенный взгляд, гибкая сила в каждом движении, ловкие, с любой работой справляющиеся словно сами по себе руки. Даже жутковатый шрам не столько пугал, сколько притягивал, хотелось его коснуться, легко провести вдоль зигзага кончиками пальцев...

Совсем с ума сошла, сердилась на себя Юля. Зачем тебе этот дикарь? Зачем тебе мачо, у которого небось за сезон по двадцать женщин меняется? Романтики захотелось? Только-только от Ловцова отделалась и куда теперь лезешь? Но в дремотной полутьме перед глазами все всплывала и всплывала картинка: тонкие смуглые пальцы гладят узкую мордочку косули – и та жмурится, млея...

Утром, когда двинулись снова в путь, показалось, что небольшая их команда точно обрела второе дыхание. Катамараны побежали по бурлящей воде быстрее, береговые скалы словно прибавили в росте, течение ускорилося, повороты стали как будто круче – но, странное дело, страх не усилился, а, наоборот, куда-то улетучился.

Алекс правил тем рафтом, на котором сидела Юля. Она не хотела на него смотреть – но как замороженная не могла отвести взгляда от игры длинных мышц под блестящей смуглой кожей, от узких пальцев, легко сжимавших древко весла. Как смычок. И упрямые сверкающие струи – как струны... Да что же это за мысли-то в голову лезут!

На привале Алекс затеял шумное купание. Прыгал с выдающейся на стремнину скалы – то просто так, то ласточкой, то с переворотом. Экое изощренное мужское кокетство, думала Юля, отворачиваясь. Выпендривается, как мальчишка из младших классов. Ну вот что он тут демонстрирует? Зачем? Но потом вспомнила вдруг свой бег-полет по склону от Кызылярской пещеры, острое, почти животное ощущение счастья, поющее в каждой мышце, в каждой жилке послушного тела... Может, и Алекс вовсе не кокетничает? Просто ловит кайф от всех этих прыжков, ныряний, кульбитов? Это ведь и в самом деле невероятное удовольствие – чувствовать, что можешь! Не важно – что именно, главное – можешь!

Дружное «а-ах!» заставило ее повернуться к реке. В первое мгновение она даже не поверила своим глазам – Алекс поднимался из воды, держа в руках здоровенную, чуть не в руку длиной, рыбину. С коричневых плеч стекала серебряная вода, в прищуренных глазах прыгали солнечные искры, и весь он, облитый водой и солнцем, с бьющейся рыбиной в руках, больше походил на какое-нибудь речное божество, на духа воды, чем на человека.

«Дух» метнул в ее сторону искрящийся солнцем взгляд – и подмигнул, махнув рыбиной, с хвоста которой веером разлетелись радужно сверкнувшие капли.

Юля вдруг покраснела, словно ее застали за каким-то недозволенным занятием. Вот еще, больно надо – речных божеств рассматривать!

Впрочем, пустяки. До конца маршрута осталось всего ничего, так что ничего не будет, нечего и краснеть.

Ничего и не было.

Нет, правда не было. Правда-правда. Совсем ничего.

Никаких заигрываний, намеков и разговорчиков с подтекстом, на которые так щедр был Ловцов. Алекс не пытался подвинуться поближе, приобнять, тем более чмокнуть, якобы по-дружески, в щечку, не зазывал прогуляться по берегу. Зато когда Юля сражалась с непослушной стяжкой рюкзака, не желающим разгораться костром или хоть консервной банкой – он каким-то образом ухитрялся оказываться рядом. И банка открывалась, рюкзачная пряжка занимала должное положение, а на сложенных хитрым образом веточках в мгновение ока расцветал желанный огненный цветок. Правя рафтом, Алекс успевал еще и «работать гидом», щедро делясь знаниями об окрестных красотах. Адресовался он вроде бы ко всем сразу, но как-то так получалось, как будто рассказы были предназначены именно для нее, для Юли. Он знал все деревья и травинки – что как называется и для чего годится, – в полсекунды замечал прячущихся в скалах и ветвях птиц и о каждой тут же выкладывал целую историю – чем питается, как предпочитает гнездиться, где зимует, – по единственной поклевке определял, какая рыба с той стороны лески – голавль, хариус или простая плотвичка. И ни разу не ошибся. Типичный лесной бродяга, определила Юля, но тут же усомнилась. Да, большей частью Алекс «жил» на реке. Но одного взгляда было достаточно, чтобы понять: этот не пропадет нигде. И не просто не пропадет, а везде будет к месту: хоть в штормовке у походного костра, хоть в смокинге на дипломатическом приеме.

По правде сказать, Юля отчасти позавидовала этой житейской легкости. Сама она рядом с Алексом начинала себя чувствовать словно бы чересчур серьезной. А ведь жизнь – такая яркая, сверкающая, пестрая... как вспорхнувшая из прибрежных кустов иволга. И, вспоминала она, сбегая по тому окологорному склону, она ведь тоже чувствовала в себе эту способность к полету. Вот бы вернуть это острое, сладостное чувство! Вот бы научиться так жить – словно летать!

К финишной точке путешествия – как, неужели все? – они подошли, когда солнце висело в самом зените. Поселок, рядом с которым в Большой Инзер впадал его бурный и норовистый братец – Малый Инзер, назывался, разумеется, тоже Инзер. Одна из улиц возле железнодорожной станции именовалась улицей Строителей. Правда, не третьей – Юля тут же вспомнила «Иронию судьбы», – а просто, без номера. Интересно, думала она, а сколько улиц Строителей по всей России? Куда ни приедешь – кажется, везде есть.

Алекс, вызвавшийся проводить Асю с Юлей до станции, легко шагал рядом, без малейших видимых усилий таща их рюкзаки и еще что-то походное, рассказывал очередные байки, шутил, звал в сплав по Малому Инзеру и еще более диким и живописным рекам.

Юля молчала до самого отхода поезда, до того момента, когда все чаще застучали колеса и за мутным стеклом вагонного окна все быстрее поплыли дальние домишки, перрон, улыбающийся Алекс. И до самой Уфы, подремывая в уголке вагонной полки, она видела за прикрытыми веками все ту же картину: тонкие пальцы гладят рыжую шелковистую косулю шерстку...

* * *

Через неделю, выходя из булочной-пекарни с еще горячим караваем в руках и думая – отщипнуть кусочек солнечно сияющей корочки прямо сейчас или дотерпеть до дома (запах от хлеба шел такой, что терпеть не было никакой возможности), она увидела перед собой ту же гибкую фигуру и ту же сверкающую улыбку. И даже не удивилась. Как будто так и должно было быть. Как будто знала заранее. Как будто расстались только утром...

Господи, куда тебя несет, думала Юля, снимая квартиру неподалеку от своего официального жилища (точнее, квартиру, осторожности ради, снимал Алекс, совершенно незачем осведомлять всех и вся о подробностях своей личной и вообще жизни), и сама же себе отвечала – к счастью! Выиграла миллион по трамвайному билету – так не размахивай им направо и налево! Ухватила свою Жар-птицу – так не упусти ее, лети на огненных крыльях в сверкающую вышину! Скучных однообразных «от и до» и в предыдущей жизни было более чем достаточно, а теперь... Не то что от присутствия Алекса, от одной лишь мысли о нем кровь начинала тяжело и гулко стучать в голове, к горлу подкатывал сладкий жаркий комок, воздух становился горячим, тягучим и золотым – как разогретый на солнце мед, льющийся из июльских сотов.

Какие могут быть вопросы, какие сомнения? Ведь пещера сулила дорогу к чему-то ослепительному, доселе неизведанному – ну так двигайся! Если у тебя появились крылья, не топчись клушей в подножной пыли – лети, лети! К страсти, к любви, к счастью – к новой жизни!

О «новой жизни» временами заговаривал и Алекс: мол, сколько можно по тайге бродяжить, комаров кормить, вот начать бы все с чистого листа, уехать куда-нибудь подальше, на какие-нибудь острова, и там... Главное – вместе!

В первый момент Юле эти рассуждения показались неожиданными, даже странными. Она-то думала, что Алекс – весь из стремительных рек, утренних и вечерних туманов, вечных сопok и почти таких же вечных, неумоимо шелестящих на ветру деревьев. А он, оказывается, устал от всего этого, тяготится бродяжьем бытом, хочет чего-то иного, чего-то большего, стремится – как и она – перекроить свою жизнь, круто развернув колесо судьбы. Да, это будет стоить напряжения всех мышц (или чем там колеса судьбы двигают?) – но это того, безусловно, стоит! Да хоть бы и перенапряжения. За счастье можно и заплатить. И нужно. Где вы видели счастье – просто так, на голубой тарелочке?

Ничего, главное – они нашли друг друга, они сильные, и все остальное у них получится, и это так же верно, думала Юля, как встающее по утрам солнце.

* * *

Дело было за шансом. И он не замедлил явиться.

После Юлиного переезда в Уфу Ловцов почти сразу – не то доверяя ей как старому другу, не то дело было в их романе – начал время от времени посылать ее в своеобразные краткосрочные командировки. Нет-нет, внешне все выглядело более чем обыденно, даже скучно: дальние филиалы, необходимость проверки отчетности, уточнения стратегии и всякое такое – ну, лучший финансовый аналитик, кому ж еще и поручишь! Но на самом деле командировки были курьерскими. Деньги в регионе крутились огромные – нефть, газ, золото, – так что «черный нал» служил если не горючим, то как минимум смазкой большого бизнеса. Таким образом упрощались многие финансовые процедуры, обходились положенные формальности, экономилось время, укреплялись деловые контакты, не говоря уж о том, что «черный нал», естественно, проходил мимо налоговых органов. Кроме того, Юля подозревала, что концерн, куда привел ее Славка, занимается не только нефтью. Возьмем, к примеру, золото. Смешно думать, что его добывают лишь официально. И это при том, что то тут, то там торчат заброшенные прииски. Да и каждый из многочисленных башкирских ручьев вполне может оказаться «золотым». Для Клондайка маловато, а для старателей-нелегалов в самый раз. И некоторые из местных компаний в дополнение к основному бизнесу занимаются скупкой и перепродажей старательской добычи. Юле это было совершенно ясно практически с самого начала работы на этот самый, официально чисто нефтяной концерн. Равно как ясно было и то, что «черный нал» неистребим. И перевозить «левые» суммы всегда старались, стараются и будут стараться потихому, без помпы.

– Одинокая, не очень приметная женщина, – объяснял Ловцов, – самый безопасный курьер. На мужчин как-то значительно больше внимания обращают. А на вашу сестру... Вон глянь, – кивал он на вокзальную толпу. – Вполне вероятно, что десяток из этих дам везут в сумочке-торбочке вовсе не пирожки любимой бабушке, а пакетик с портретами американских президентов. Ну или с евро, это уж у кого что.

Вот Юля и ездила. И попросту, транзитным поездом, и на купленной уже в Уфе «Тойоте». Не часто, раз в месяц, а то и того реже, но ездила. Отказать Ловцову было трудно. Он же ей начальник, в конце-то концов. От рабочих поручений отказаться – это вам не от постели отлучить. От постели-то отвадить оказалось как раз совсем несложно.

Их «роман» после ее сказочного отпуска на Большом Инзере, к счастью, сошел на нет окончательно. Славка не делал попыток что-то возродить, а Юля, погруженная в мысли – мечты пополам с воспоминаниями – об Алексе, была этому несказанно рада.

Но командировки продолжались.

– В Белорецкий район надо съездить, – сообщил ей Ловцов в начале следующего (она теперь все считала «до Инзера» и «после Инзера») лета. – Сумма не то чтобы запредельная, но даже по нашим масштабам немаленькая, двадцать миллионов евро. Так что в этот раз никаких поездов, поедешь на машине, за руль, для страховки, одного из наших охранников посажу. Он не в курсе, объяснение будет простое: дорога не самая ближняя, мало ли что. А народ пусть думает, что вы развлекаться поехали, я дезу запущу. – Он ухмыльнулся. – Ну а тебе премию, само собой.

Алекс, услышав про двадцать миллионов и дальнюю дорогу, словно загорелся:

– Вот он, наш звездный час! – Он выпрыгнул из постели и гибко потянулся. Под гладкой загорелой кожей завораживающе переливались длинные плотные мышцы. У Юли, как всегда, когда она смотрела на Алекса, в голове поплыл сладкий искрящийся туман. Какие там честность и нечестность! К черту! Главное в жизни – вот оно, только руку протяни! Она, чувствуя, как тают все мысли, коснулась кончиками пальцев золотистого выпуклого плеча. Алекс улыбался.

Поездка внезапно отложилась на месяц, но он лишь обрадовался – чем тщательней подготовка, тем надежнее исполнение.

– Нужна твоя фотография. У меня загранпаспорт на другое имя есть, хорошо бы и тебе сделать, риска меньше. И скоро-скоро будем с тобой под пальмами коктейли потягивать.

Упоминание о загранпаспорте на чужое имя чуть отрезвило Юлю, но... Алекс лучше знает, что нужно делать, привычно подумала она.

Мужчина, хмурясь, что-то чертил на полях старого журнала:

– Отвертеться от сопровождающего, я так понимаю, не выйдет?

Юля помотала головой:

– Как?!

– Да, в самом деле, – легко согласился он. – Подозрительно выйдет. Ничего. Ладно, может, так даже лучше. В самом начале обратной дороги у вас будет мост. Если уйти оттуда по воде... да, это идеальный вариант. Быстро и никаких следов. Пусть хоть стаю ищеек при-таскивают, на воде ничего не учуять. Потом пересядем в машину... – Он подумал немного. – Нет, не в Уфу, в Челябинск. Уфа ближе, но Челябинск – уже другая область, так безопаснее. И сразу в аэропорт, паспорта готовы, билеты я завтра куплю, когда машину отгонять буду.

Юля слушала, но не понимала, только глядела, как двигаются любимые – такие нежные и жаркие – губы, как перекачивается кадык на сильной шее. Господи, за что мне такое счастье!

– Участок там трудный, – бормотал Алекс. – Придется Костю привлечь. На одном весле этот сплав, боюсь...

Костю? Юля вздрогнула, вспомнив встреченного однажды в окрестностях базы, куда они с Алексом пару-тройку раз выбирались на выходные, «бандита» с волчьим взглядом.

– Может, не надо Костю, – испуганно прошептала она. – Он... он такой жуткий...
– Не бойся, малышка. – Алекс прижал ее к себе. – Я же с тобой.

Мимолетная тревога так же мгновенно растаяла. Только бы быть рядом с ним, а где – в глухой тайге или на тропическом острове – не имеет никакого значения. Зато на тропическом острове наверняка нет комарья, подумала она и улыбнулась. Скоро-скоро, сказал он. Немного потерпеть осталось. Пережить, перетерпеть, перешагнуть, а там – там счастье! Ослепительное, огромное – как целый мир!

Раз десять она принималась писать письмо дочери. Последний визит в Питер вышел каким-то скомканным, настроение испортила дурацкая ссора с отцом, потому и с Машей разговор толком не получился. Или она просто не решилась? Трудно вот так, глаза в глаза, рассказывать, что жизнь твоя совершила самый невероятный кульбит из всех, которые только могут быть. Или – самый обыкновенный? И не кульбит вовсе? Ну подумаешь, любовь! Даже самая ослепительная, какая выпадает одному из тысячи. На Земле-то живут миллиарды, значит, такая же «невероятная» любовь – у миллионов? И если «невероятная» любовь выпадает одному из миллиона, все равно получается, что такая же – у тысяч. Эта мысль была не слишком приятна. Ее, Юлина, любовь уникальна, так и вовсе не бывает, какие еще тысячи, тем более миллионы?!

Но Машке-то этого не объяснишь, это внутри. Нет, про любовь и счастье она дочери намекнула еще в прошлом году – так, в двух словах, надо же было объяснить, почему ей вздумалось разводиться именно сейчас. И понятливая Машуня приняла все вполне благодушно – а что такого, мама ведь у нее молодая, красивая, глупо считать, что вконец опустившийся Алексей должен быть ее единственным в жизни мужчиной.

Так что доченька против маминой новой жизни совсем не возражала. Юле даже показалось, что дочь отнеслась к этой мысли без особого внимания. Мама есть мама, а что за мужчина рядом с ней будет – да какая разница!

Или дело не в любви? Во время последнего разговора с дочерью Юля обмолвилась вскользь и о том, что, может быть, новая жизнь пойдет не здесь, а где-нибудь в Европе, а то и подальше. Маша слегка всполошилась – ты что, мам, по переписке с кем-то познакомилась? Поосторожнее бы надо, брачных мошенников по Интернету толпы бродят – но, услышав, что нет, все лично, вновь впала в безмятежно-безразличное дружелюбие.

Но ведь и в письме, получается, тоже ничего не объяснишь! Хотя какое-то объяснение у нее вышло, конечно, она даже, поторчав в аэропорту и выбрав среди дальних пассажиров женщину посимпатичнее, попросила отправить письмо из конечного пункта – кажется, это была Барселона или Берлин, Юле это было совсем без разницы. Вот такой вот хитрый ход она придумала, словно ложный след прокладывала. А толку-то? Письмо вышло скомканное, бессмысленное, как будто ни о чем. Не напишешь же: знаешь, доченька, мы тут с любимым собираемся мешок денег присвоить...

* * *

Мешков оказалось пять. Собственно, не мешков, а плотных пластиковых пакетов. Не очень больших, с пару кирпичей, прямоугольно-округлых. Но Юля мысленно называла их «мешки», потому что «пакет денег» как-то несолидно звучит. Денег должен быть мешок.

Юра – корпоративный охранник, которого Ловцов подсунил ей в качестве шофера, – равнодушно ждал, пока два угрюмых и неуловимо похожих друг на друга молодых человека пристраивали пакеты в багажник.

– Вы там поаккуратнее, – сказал один из «близнецов». – Тут образцы для химиков, упакованы герметично, но мало ли. Поосторожнее, короче.

Юра все так же равнодушно угукнул, запер багажник и сел за руль. Юля уселась рядом.

Над дорогой плыли полупрозрачные синеватые сумерки. Асфальт странно посветлел, а подлесок за обочинами, наоборот, казался почти черным. Юра сосредоточенно смотрел на дорогу, объезжая многочисленные ухабы, и временами бормотал что-то вроде «там до Инзера пятнадцать километров останется, дальше по трассе...» – мечтал побыстрее оказаться дома. Он не знал, даже не догадывался, что они везут. Ему, похоже, было просто наплевать: хоть образцы для химиков, хоть бриллианты английской короны. Юля молчала, стараясь не кусать губы. Алекс велел вести себя как можно более естественно и для натуральности даже не стал посвящать в подробности «экспроприации».

Узкая асфальтовая лента резко свалилась под гору, и там, за уклоном, показался мост, под которым грохотала – даже в машине был слышен этот гул – вздувшаяся от последних ливней узкая речка. Кажется, Алекс как-то ее называл, но Юля пропустила это мимо ушей. Она часто шутила, что страдает типичным женским топографическим кретинизмом и плохо запоминает названия, а уж местные, башкирские, тем более. Непривычные звуко сочетания ворочались и скрежетали, как камни в водоворотах здешних рек, произнести их было немногим легче, чем пройти какой-нибудь перекат. Вроде бы тут какой-то приток Малого Инзера. Или Большого? Или не приток, а сам Инзер – какой из них? Нет бы на карту загодя глянуть. Все-то ей казалось, что все как будто невзавраду, как будто это игра такая и можно остановиться, подумать, вернуться к самому началу. Пока не пройдена точка невозврата...

Юля закрыла глаза.

– Что за черт! – Юра резко тормознул.

Прямо перед мостом поперек дороги лежал человек. В сгустившихся сумерках белели обращенное к ним лицо и кисть выброшенной в сторону руки.

– Погляжу, – пробормотал Юра, нажимая на дверь.

– Не надо... – хотела остановить его Юля, но горло перехватило, и она лишь беззвучно шевельнула губами. Остро сжалось сердце, в глазах потемнело, воздух стал колючим, точно это не воздух, а куча репейника, и вместо привычных вдохов нужно глотать репейники, которые застревают в горле, царапают, саднят...

Юра, не закрывая дверцу машины, медленно двинулся к распростертому на асфальте телу.

– Эй, – негромко окликнул он, – мужик, тебе плохо? Ты живой?

Он склонился над лежащим, и тут же резкий мгновенный рывок заставил его потерять равновесие и неуклюже рухнуть на асфальт.

Мужик, изображавший «тело», вскочил, коротко ударил Юру ребром ладони где-то за ухом – Юле было плохо видно, – сноровисто связал – значит, не убил, отстраненно подумала она, иначе зачем связывать, – и подскочил к машине.

– Шевелись! Твою... – рявкнул он оцепеневшей Юле, и только в этот момент она узнала Костю с его волчьим взглядом. – Багажник открывай!

Но она точно застыла. Даже если бы Костя начал ее сейчас убивать, она все равно не смогла бы пошевелиться. Вот как будто была женщина, а стала ледяная статуя.

Убивать ее он, однако, не стал, только прошипел что-то сквозь зубы, дотянулся и нажал на кнопку сам. Потом рывком, как куклу, выдернул Юлю из машины – в плече вспыхнула острая боль, как странно, разве у куклы или у ледяной статуи может что-нибудь болеть? – подтащил к багажнику и сунул ей в руки два выхваченных оттуда пластиковых мешка. Правое плечо опять дернуло болью, и она, чувствуя, как мешок выскальзывает из бессильно повисшей руки, подхватила его левой. Казалось, нет ничего страшнее, чем уронить эти чертовы мешки! Тогда точно убьет. Просто возьмет и перегрызет горло. Прямо зубами. Он же настоящий волк.

– Беги вон туда, – довольно спокойно бросил «волк». – Спускайся под мост. Да быстрее давай. – Он поморщился. Не по-волчьи, а вполне по-человечески. – Нам еще этого, – мотнул

головой в сторону лежавшего на асфальте Юры, – спрятать нужно. Вместе с машиной. Так что беги. – Он усмехнулся.

Беги, как же! Сосредоточенно переставляя непослушные, точно ватные, ноги, Юля заковыляла туда, где темной безжизненной кучей – может, все-таки не совсем безжизненной, может, все-таки не убит? – лежал Юра. До него оставалось шага три, когда из-под моста пружинисто выскочил Алекс. Перехватил у Юли мешки и потащил ее – в обнимку, как раненого солдата, почти волоком – по крутому склону. Внизу, на каменной осыпи, уткнувшись толстым носом в воду, стоял небольшой темно-красный рафт. Алекс усадил ее, выдернул откуда-то спасжилет, сунул в руки пакеты и бросился вверх по склону. Через минуту они с Костей притащили остальные мешки.

– Я упакую, – вытаскивая из рюкзака что-то оранжевое, сквозь грохот реки буркнул Алекс в сторону Кости. – Иди в машину его сунь, да отгони ее в кусты подальше...

– Вместе пойдем, – рыкнул Костя, сверкнув хищно прищуренными глазами.

– Ну вместе так вместе, – пожал плечами Алекс.

Юля зачем-то цеплялась за мокрые веревки, перепоясывавшие толстые темно-красные синтетические бока. Как тонущий цепляется за что попало. Ужасно глупо – ведь она же не тонет. Или?

За грохотом потока ничего больше было не слышно. Где они? Между серых скал, ревущей воды и странно лилового неба Юля показалась себе совсем маленькой – так, микроскопическая, ничего не значащая крошка на ладони Земли, дунуть посильнее – и нет крошки.

Сверху, с дороги, посыпались мелкие камни, по склону съехали сердито зыркающие друг на друга Алекс и Костя. Мешки упаковали во что-то оранжевое, оно оказалось большим непромокаемым баулом, и прикрепили к раме рафта. Алекс начал усаживаться спереди, но Костя его остановил:

– Эй, погоди-ка!

– Чего годить-то? – нахмурился Алекс. – Торопиться надо, скоро совсем темно будет. Я сяду, ты столкнешь и запрыгнешь...

– Нет уж, – недобро ощерился Костя, – давай наоборот. А то ты залезешь, веслом оттолкнешься – и привет!

– Сдурел? – Алекс покрутил пальцем у виска.

– Я-то не сдурел, – покачал головой Костя. – По крайней мере не настолько, чтоб тебе верить. Мало ли что у тебя... Так что давай по-моему. Ну!

– Не нукай, не запряг, – медленно проговорил Алекс, делая шаг на берег. – Ты бы, дружок, не зарывался, а то, знаешь, долго откапываться придется. Не много ли на себя берешь?

– В самый раз! – резко выдохнул Костя и неуловимо быстро наклонился, коснувшись ботинка. Что-то блеснуло...

Нож! У него нож – в ужасе поняла Юля. Господи! Господи-господи-господи, забормотала она, но...

Но Алекс оказался быстрее. Юля не успела заметить, когда и откуда у него в руке появился пистолет. Грохнул выстрел, и Костя, нелепо взмахнув руками, рухнул в воду. Река мгновенно затянула его белыми бурунами, закрутила, утащила под мост и дальше, дальше, дальше...

– Гос-по-ди, – автоматически договорила Юля.

Алекс, не взглянув на нее, сунул пистолет в карман, навалился на корму катамарана, скрежетнули камни... Когда река уже готова была подхватить и унести легкое – это только на берегу он тяжелым кажется, вспомнила Юля, – суденышко, одним прыжком он вскочил на внутренний настил. Юля еще сильнее вцепилась в мокрые веревки.

– 3-з-зачем? 3-зачем ты его? – едва выговорила она.

– Не трясись! – зло бросил Алекс, точными движениями весла сосредоточенно выводя судно на стремнину. Нажал кнопку налобного фонаря – Юля вздрогнула от неожиданно сильного светового удара – бешеная вода засверкала прозрачно-хрустальными, мутно-опаловыми, лилово-аметистовыми осколками, – и тут же выключил. – Нет, опасно, мало ли кто бродит, могут заметить, – пробормотал он. – Придется так. Хорошо хоть небо ясное.

Полная луна заливала землю мертвенно-серебряным светом, превращая пейзаж в черно-белую фотографию. Темные берега, бледная вода, над которой кое-где словно выскакивали из непроглядной береговой тьмы корявые черные стволы. Как хорошо видно, удивилась про себя Юля, изо всей силы цепляясь за веревки и вжимая спину в толстый и вроде бы такой надежный баллон. Вроде бы. Как Алекс. Зачем? Ну зачем? Конечно, она не станет переспрашивать.

Суденышко все еще подсакивало на бурунах, так что Юля изо всей силы сжимала зубы, но, выйдя в основную струю, где течение было не слабее, но хотя бы ровнее, более-менее выровнялось.

– Зачем-зачем, – неожиданно произнес Алекс гораздо более мягким тоном. – Сама ведь видела. Он, похоже, решил прямо там от нас избавиться... Ну или только от меня, тебя бы с собой прихватил, в качестве бонуса. Как тебе такой поворот?

Юля всхлипнула, понимая, что Алекс прав.

– А... Юру...

– Зачем? – Алекс дернул плечом. – Меня он не видел, только Рашпиля, так что не свидетель. Сунули в машину, машину в заросли загнали. Очухается – выберется. И не вспомнит ничего, скорее всего. Лучше бы, конечно, не вспомнил, хотя... – он хмыкнул, – как фишка ляжет.

Катамаран летел по узкому бешеному потоку, едва не задевая деревья и выступающие скалы близких берегов. Ледяные брызги летели навстречу сплошным веером – не уклониться, не спрятаться. Нервная дрожь сменилась настоящим ознобом, холод был не только снаружи, он собрался ледяным комком где-то возле сердца – и разрастался, разрастался...

– Держись! – крикнул ей Алекс. – Скоро будет поспокойнее. Сможешь переодеться в сухое и теплое.

Вглядываясь в бешеный поток, он размеренно и неумоимо, как автомат, работал веслом, и легкое суденышко послушно летело, как будто почти не касаясь воды. Впереди между глухими громадами сходящихся берегов проглядывал фиолетовый клин неба с неправдоподобно крупными звездами. Алекс вел рафт мастерски, срезая повороты, следуя основной, самой стремительной струе.

– Ч-черт! – прошипел вдруг он.

Рафт вильнул, вдоль борта пронеслась какая-то темная громадина.

– Что это было? – испугалась Юля.

– Топляк, – сердито бросил Алекс. – Здоровый, бревна три сцепилось. Хотя нам бы и одного хватило, чтобы кильнуть. Массы не хватает. Это ж четверка, а нас двое всего, вот и скачем лягушкой.

– Алекс, может, я могу как-то помочь? – осторожно спросила Юля.

– Сиди, держись, – усмехнулся он. – А то вылетишь в полсекунды. И как я тебя вылавливать буду? Да не бойся, выгребемся, не впервой. – И ласково добавил: – Не трясись. Я и в одиночку справлюсь. Хотя, конечно, на пару было бы сподручнее... Эх, не ко времени Рашпиль начал права качать.

Не ко времени? Значит, могло быть – и «ко времени»? Или – должно было быть?! У Юли в голове как будто что-то сместилось, так поворот калейдоскопа создает новый узор. И ты понимаешь: стеклышко, что казалось дружелюбно подмигивающим окошком теплого приветливого дома, на самом деле – горящий яростным огнем глаз беспощадного дракона...

– Так ты... – прошептала Юля. – Ты... с самого начала собирался его убить? Только... позже... Да?.. – Ей почему-то было наплевать, что если это правда, то лучше молчать, уж ее-то убить проще простого. – И Юру тоже... Наверное... Я ведь не видела...

Алекс не ответил.

Не успел.

Под кипящими впереди бурунами притаилась безжалостная «расческа» – притопленный ствол с торчащими обломками сучьев. Такое бревно может, застряв между камнями, долго лежать на дне, и летящий поверху поток точит, точит и точит его деревянные, но от того не менее смертоносные «зубы». Подгнивает мокнувшая кора... И в какой-то момент «расческа» выскальзывает из каменной ловушки, поднимается ближе к поверхности – и сама становится ловушкой.

Рафт налетел на невидимые среди бурлящей пены «клыки», и разодранные баллоны обмотались вокруг мертвого ствола. Алекса, сбитого и подмятого днищем, потащило ко дну. Он рванулся – глубина потока невелика, при должном самообладании без воздуха не останешься, сильное тело выгнулось, разжимая смертельные тиски... Но поток, втянувший его между останками рафта и «расческой», поднажал... «зубья» вгрызлись в грудь, в шею, в живот, пробивая и раздирая мягкое человеческое тело...

В момент удара Юлю выбросило из рафта, и спасилет удержал ее на поверхности. Судорожно глотая перемешанный с водяной пеной воздух, она чувствовала, как поток крутит, переворачивает ее, играя беспомощным телом, как тряпичной куклой. Глаза заливало, и небо казалось почему-то очень близко. Не могло же оно опуститься? И звезды – почему-то их почти не видно...

И тут звезды вспыхнули словно все разом. Она зажмурилась, но слепящий, остро болезненный свет был внутри, под веками, в голове... И посреди него проступал, раскрывая объятия, гигантский каменный Христос. Барселона?.. Потом наступила тьма.

Денис Москва – Санкт-Петербург

Негромкий стук в дверь заставил Дениса недовольно поморщиться. Ну что такое, в самом-то деле? Кто придумал этот маразм – стучаться в служебный кабинет? И зачем, спрашивается? Для чего? Чтоб владелец кабинета успел натянуть штаны и нацепить на физиономию деловое выражение? Вообще-то предполагается, что в кабинете человек работает. А если даже, как бы это сказать, расслабляется, так ведь не в XIX веке живем – в XXI, напичканном селекторами, телефонами и прочими средствами связи. Но нет, трепетный стук в начальственную дверь, вероятно, переживет еще и нас, и наших правнуков. Потому что создает – ну или предполагается, что создает, – некую специальную атмосферу, эдакий интимный настрой: ты начальник, я секретарша, мы вместе работаем, но это больше, чем работа, нас двое, а остальные – просто «остальные». Ужас!

Уволить ее, что ли? И где ж взамен вменяемую-то найти? Совсем не факт, что у следующей будет в голове больше здравого смысла. А времени на то, чтоб включиться в отлаженный рабочий механизм, потребуется немало.

Денис Воронцов, уверенный, самостоятельный и очень успешный, знал совершенно точно: идеальных работников не бывает. Не существует в природе. Достоинства сотрудников надо использовать и поощрять, к недостаткам относиться снисходительно и следить, чтобы они не мешали работе.

Это очень просто. Хотя, конечно, терпения требует изрядного.

– Заходи, Леночка, – вздохнул он.

Дверь осторожно – ну да, ну да, в том же «интимном» духе – приоткрылась, и в кабинет впорхнула секретарша. Прелестный ангел. Небесное создание. Ноги от подмышек, ресницы до противоположной стены, губки пухленькие, талия осиная, выпуклости выше и ниже оной вполне, гм, выпуклые – в общем, все как полагается. Красное платье – из тех, что надеть нельзя, в нем нужно родиться – облегает осиную талию (и особенно выпуклости), как перчатка. Ну и цвет опять же – самый сексуальный из всех возможных. Вообще-то в офис можно было бы и поскромнее костюмчик надеть, но во-первых, у них тут все-таки не банк, а рекламная компания, некоторое количество эффектности не повредит, во-вторых, сегодня пятница, а в пятницу даже самые солидные конторы снижают требования к дресс-коду, так уж повелось. И в-третьих, наверняка ведь на спинке секретарского кресла висит пиджачок, с которым даже это «перчаточное» платье будет смотреться вполне скромненько. А «перчаточное» платье и общий секс-бомбовый облик – это, разумеется, специально для посещения его кабинета. В полном соответствии с рекомендациями глянцевого журналов – «Как женить на себе начальника» и прочее в этом духе.

Дурочка, вздохнул Денис.

Нет, ну он, конечно, спал с ней иногда, какой мужик будет кочевряжиться, когда под него столь целенаправленно подкладываются. Каждого можно подловить: обтягивающим платьем, зазывными позами, интимным придыханием в голосе. Вот, пожалуйста: подошла вплотную, чуть не на подлокотник кресла уселась, со всеми своими прелестями и ароматами секретарша.

Интересно, почему Ксения ни разу не потребовала Леночку уволить? Не принимала все-ррез? Понимала, что на Леночкино место придет другая красотка, у которой вдруг мозгов окажется побольше, а значит, и риск для законной супруги увеличится? Или здраво оценивала его, Денисово, к ней, законной супруге, отношение? Не любовь, нет-нет, именно отношение.

Особой любви между ними не было с самого начала. Денису льстило, что «Мисс филологический факультет» (не какой-нибудь там химфак, где сплошные крокодилы, филфак не зря факультетом невест всегда звали, заповедник красоток, одна другой краше) охотно

делит с ним постель. Пусть даже любовницей она была так себе, холодноватой и скучноватой – все мысли занимали модельная карьера и возможности как-нибудь еще себя улучшить. Впрочем, и его голова была полна не столько гормональными бурями, сколько бизнес-планами, так что необременительный роман с не слишком требовательной красоткой Дениса вполне устраивал. Ну а когда Ксения сообщила об ожидающихся, как бы это помягче, последствиях связи, он не слишком долго раздумывал. Девушка из хорошей семьи (папа – бывший партаппаратчик, сохранивший кое-какие полезные знакомства), обеспеченная, с хорошими манерами и не без мозгов, хотя бы на уровне банальной практичности. Ну и красивая. В качестве супруги главы солидной рекламной компании (в тот момент это было крошечное, едва начавшее приносить доход агентство, но Денис был заранее уверен в блестящем будущем) очень даже подходящая кандидатура.

А любовь... Любовь осталась далеко в прошлом, исчезла, пропала где-то на просторах нашей необъятной родины, что ж теперь поделаешь. Пусть будет жена – визитная карточка. Раз уж ребенок намечается. Собственно, Денис ни разу не пожалел о том давнем решении – сына Егора он считал чуть ли не главным богатством своей весьма небедной жизни. Жалко немного, что видеться с ним нечасто удается – Ксения настояла, что лучшее образование в Англии, пришлось подыскивать престижную школу в окрестностях Лондона, но дело ведь не в этом, правда? Все равно Егор – это практически центр его, Дениса, вселенной.

Так что Ксения не зря смотрит на красотку-секретаршу сквозь пальцы, понимая, что с законного «трона» ее не сместит ни одна из таких вот девиц. Не светит им ничего.

Какие-то шансы на то, что Денис отступит от «любовь осталась в дальнем прошлом», были разве что у Ирен, но это было, как они говаривали в университете, «триста лет назад и на другой планете». Примерно тогда, когда Егор родился. Ирен, кстати, на самом деле звалась Люсей. Проговорилась как-то в минуту, что называется, печали и уныния, об этом, а с утра пообещала убить, если Денис кому-то сболтнет. Уж конечно, он не стал бы! Наоборот, после невнятного (даже отчасти сквозь всхлипывания) рассказа о пьянстве родителей и прочих прелестях ближнеподмосковного провинциального быта зауважал «боевую подругу» еще сильнее. Хотя куда уж сильнее. Денису, выстраивавшему свой рекламный бизнес с нуля, очень импонировало упорство Ирен, яростно и самоотверженно пробивающейся в большую журналистику. Мартин Иден в юбке, шутил он, подозревая, что правды в этой шутке куда больше, чем юмора.

Честно сказать, в качестве подруги жизни Ирен подошла бы лучше, чем Ксения. Пусть она и не настолько эффектная красавица, однако модельная внешность – не единственная семейная ценность, хороший журналист в тандеме с главой рекламной компании – это огого, это сила!

Но тут Ксения сообщила о своей беременности, и выбор совершился как бы сам собой. И Ирен, верная «боевая подруга», после этого как-то пропала с горизонта. Не то чтобы совсем, но отдалась сильно. Они и сейчас иногда сталкивались на каких-то знаковых мероприятиях (иногда даже завершая встречу в гостиничном номере), но – вот именно, что «иногда», без особого бурления страстей. Старая боевая подруга, в общем. Не больше. Но – и не меньше. На днях вон позвонила – не собираешься ли в Лондон, сына провести? – вроде поговорить о чем-то хочет или что-то в этом роде. Отчего ж не повидаться с «боевой подругой»?

Надо, кстати, Леночке-то сказать, чтоб много встреч на следующую неделю не назначала, хотя бы пару-тройку дней надо высвободить.

– Так, давай, что у тебя?

Осознав, что «наконец мы с тобой вдвоем» не предвидится, Леночка вздохнула едва слышно, но вполне обиженно и отшагнула на более-менее официальное расстояние.

– Договоры от юристов, – она положила перед ним стопку бумаг. – И, Денис Юрьевич, звонили из мэрии. По поводу Дня города.

Он нахмурился:

– Они что, сценарий еще не получили? Или потеряли, как водится?
– Получили, Денис Юрьевич, у них уточнения какие-то.
– Ну так скажи Филонову, он подготовкой занимается, пусть свяжется с ними...
– Я их сразу на него переключила, – сухо сообщила Леночка, как бы намекая, что сомневаться в ее компетентности – нонсенс.

Денис, кстати, никогда и не сомневался. Только удивлялся иногда: как в этой хорошенькой головке совмещаются невероятная сообразительность в рабочих вопросах (секретаршей она была не просто толковой, а очень толковой) и невероятная же «блондинистость» в вопросах, гм, личных. Глазки, губки, зазывные позы. Неужели она думает, что вся эта чепуха может сработать?

– Перезванивали после этого? – уточнил Денис.
– Нет, – она качнула головой – легонько, чтобы ни волосок в продуманно небрежном беспорядке белокурой прически «а-ля натюрель» не сдвинулся со своего места.
– Ну и отлично, значит, все у них срослось. Найдешь Филонова, пусть он мне потом доложит. Ну... часиков в пять...
– Встреча с американцами в шесть, а в пятницу пробки сильнее обычного, – напомнила «идеальная секретарша».

Да уж, к американцам лучше бы не опаздывать. Переговоры предстояли сложные, ушлые заокеанские ребята хотели выстроить на базе его компании свой филиал, и хотя финансово предложение было более чем выгодным, надо было ухитриться все-таки сохранить самостоятельность. Ну да ничего, не из таких быков тушенку делали, ободрил сам себя Денис и кивнул Леночке:

– Тогда отчитаться пусть зайдет в четыре. И на следующую неделю, – он на секунду задумался, – график мой подвигай там, освободи дня три в начале недели, мне в Лондон слетать нужно.
– Билеты на какое число заказывать? – предупредительно поинтересовалась она. – И сколько? Вы с Ксенией Леонидовной летите?

– Леночка, ты умница, таких секретарш по штучному заказу делают, нашей компании крупно с тобой повезло, – похвалил Денис. – Лечу один, а билеты не надо, я сам. Может, я даже прямо завтра и улечу. Сообщу. Будешь тут держать оборону.

На Леночкином лице было совершенно явно написано, что правильные начальники «штучных» секретарш не оборону держать оставляют, а берут с собой в Лондон. Или в Женеву, к примеру. На переговоры, а вы о чем подумали?

А ведь она мне завидует, подумал Денис. Не Ксении, что было бы гораздо логичнее, а именно мне: директорскому кабинету, внезапным полетам в Лондон и прочим вкусняшкам в этом роде. Дурочка. Все это такие пустяки, честное слово. И директорское кресло, и пентхаус в центре столицы, и три машины в подземном гараже (не считая служебной), и возможность в любой момент устроить себе каникулы в любой точке земного шара – все это ничего не стоит. Все это – суррогат, замена. Замена того, чего нет. Весь жизненный успех – с досады.

Потому что очень хотелось стать лучшим. Первым.

Президентом Земли, например. Или хотя бы трижды лауреатом Нобелевской премии. Дважды вроде уже есть, а трижды – еще никого.

Все ради прекрасных глаз. Главе рекламной компании глупо использовать такие избитые формулировки, но что делать, если это правда?

Денис увидел ее первого сентября. Она, единственная, кажется, без букета стояла почему-то не в общей малышово-родительской толпе – первый раз в первый класс, ура, – а поодаль. Выбившаяся из-под белого банта пушистая прядка падала на лоб, и Катя (впрочем, имя он узнал позже) отводила ее назад стремительным нетерпеливым движением. Упрямая

прядь снова скользила по выпуклому серьезному лбу – и тонкие пальцы опять отводили ее назад. И опять, и опять.

Он глаз не мог отвести от этой пряди и этого стремительного движения тонкой руки в белой кружевной манжетной пене. Толпа будущих первоклассников визжала, хныкала, робела, прижималась к родителям, а Катя так и стояла поодаль, нетерпеливо отводя от глаз выбивающуюся прядь.

Она и потом всегда была – отдельно. Все думала о чем-то своем, никому не известном. С первого класса таскала с собой толстую, как у старшеклассников, тетрадь в сером ледерине. Серую тетрадь сменила синяя, потом коричневая, потом опять синяя. Писала Катя туда часто. Денис как-то раз подглядел:

«Инзер... Инзер... Это название – как колючая сверкающая льдинка. Зачем мама переехала в эту чертову Москву? Даже если они развелись, переезжать-то зачем? Когда я вырасту, я обязательно вернусь туда, к отцу, в Инзер. Там можно встать на скале и как будто лететь. А здесь люди только ходят...»

Чудная какая, думал Денис, придумывая, как бы это предложить понести портфель. А потом... потом на них выскочат из подворотни хулиганы, а он их – раз, раз, раз! И Катя посмотрит на него – и улыбнется.

Так все десять школьных лет и промечтал. И в секцию борьбы ходил (осознав классу к третьему, что на одних мечтах хулиганов не раскидаешь), и бегал стометровку, защищая честь школы на районном чемпионате, и стихи для стенгазеты сочинял. Когда впереди явственно замаячил аттестат зрелости, Денис понял: дальше тянуть некуда, надо собрать в кулак всю наличную смелость и на выпускном наконец предложить... ну хоть что-нибудь ей предложить!

На выпускной Катя явилась с высоченным красавцем лет на десять ее старше, представив его одноклассникам в качестве будущего мужа. Денис с туповатым Колькой из параллельного выпил в спортзале бутылку портвейна, заснул в подсобке на куче матов. В его сне Катя выходила замуж почему-то за Штирлица, а вовсе не за этого кошмарного красавца, которого она притащила на выпускной.

Потом они вроде бы развелись. По крайней мере, так говорил кто-то не то на десятилетия, не то на пятнадцатилетии выпуска. Может, и правда развелись. Интересно, думал иногда Денис, исполнила Катя свою детскую мечту, вернулась ли в то место с колючим звонким названием... как его? Инзер? Какая она сейчас? Вот бы поглядеть...

Леночка так и стояла возле стола.

– У тебя еще что-то?

Она положила перед ним еще одну бумагу:

– Роман Александрович передал, что машину в порядок привели. Вот счет.

Воронцов хмыкнул:

– Чего не сразу в бухгалтерию? Ладно, иди.

Роман был его начальник службы безопасности. Сперва это называлось начальник охраны, но Ксения сказала, что начальник службы безопасности звучит гораздо лучше, и Денис согласился. Звучало действительно лучше. А впрочем, какая разница – лишь бы человек был толковый.

А Роман Грецкий был очень толковым. Спасибо Ксении, а то черт его знает, кого бы Денис тогда выбрал без ее совета. Рекламная компания «ДиВо» (слоганом «ДиВо для вашего бизнеса!» он искренне гордился) постепенно развернулась настолько, что пора было заводить и собственную службу безопасности: обеспечивать штат охранников для офиса, изучать подноготные потенциальных клиентов и партнеров (а то вляпаешься по недомыслию, потом всю жизнь не отмоешься) и всякое такое. А какая же служба без руководителя? Поначалу приходили все какие-то не те: от дипломов и послужных списков за версту несло липой из подзем-

ного перехода, да и сами «начальники» на поверку оказывались, мягко говоря, непрофессиональными. Бывшие вахтеры, сторожа и тому подобные персонажи на голубом глазу заявляли, что всю жизнь прослужили в... самое обидное, что ведь и не ввали. Вот, правда, толку от их «многолетней беспорочной службы в охранных системах» не было никакого.

Денис просматривал десятки резюме кандидатов на «несчастную» должность, когда Ксения зашла, чтобы вывести его на какую-то модную премьеру, кажется. Чмокнув супруга в висок, она по-хозяйски пролиستала бумаги, фыркая и морща прелестный носик, и вдруг ткнула пальцем в одно из досье:

– Ой, вот этого я вроде знаю. Он на «Мисс Столице» – ну помнишь, мне еще потом съемки для «Деловой моды» предложили? – он на «Столице» как раз безопасность обеспечивал. Очень все хорошо там было, мы прямо удивлялись все, никто никаких гадостей не устроил, все так цивилизованно было. Вроде он... Ну мы идем или как? Опоздаем же!

Разумеется, он выбрал из всей безличной кучи кандидатов именно Грецкого. И ни разу не пожалел. Роман не только прекрасно наладил работу, как он говорил, «вверенного подразделения», он стал Денису если не другом, то близким приятелем. Самым, пожалуй, близким из всех. Прикрывал воронцовские грешки (редко), не отказывался сходить в бар на пару-тройку кружек (нечасто), выслушивал ворчание по поводу очередных капризов Ксении (время от времени) и сетования на идиотизм заказчиков (постоянно). Денис даже подумывал, не вспомнить ли студенческие подвиги, не потряхнуть ли стариной, не сходить ли в отпуск на байдарках или на рафтах – с Романом. Ну и что, что тот не сплавщик? Физическая подготовка у него выше всяких похвал, а прочее приложится, не боги горшки обжигают, был бы человек хороший.

Впрочем, хороший человек – не профессия. А Грецкий был – не соврала Ксения, не перепутала, не сочинила, – отличным работником. И в смысле организации дела, включая разборки с потенциальными «крышами» (любят они успешный бизнес, что ж тут поделывать), и в смысле собственного участия. В общем, из тех, кого в спорте называют «играющий тренер».

Вон как недавно... Тьфу, пакость, даже вспоминать не хочется.

Вороцов уже подходил к своему «мерину», когда заметил краем глаза движение слева. Что за черт? На их тихой, охраняемой стоянке? Впрочем, мысль прошла стороной, а тело среагировало автоматически. Уходя из-под удара, он почти наугад отмахнулся: летевшая к голове бейсбольная бита врезалась в «мериновское» крыло, а нападавший рухнул, орошая пыльный асфальт кровью из разбитого носа. Но не успокоился, дернул Дениса за ноги...

В этот момент на площадке появился задержавшийся в офисе Роман. Пока он выяснял, не нужна ли шефу помощь (падая от рывка, Денис приложился лбом о соседнюю машину), нападавший успел скрыться.

– Черт, надо было за ним, – сокрушался Грецкий, – но тут уж одно из двух: или бандита догонять, или помощь раненому оказывать. С ходу и не определишь, что срочнее.

– Да ладно, Роман, это я просто удачно упал, скользнул практически, а вообще-то вполне могло быть, что помощь раненому была бы в приоритете. Ты его хоть разглядел?

– Ну... фигуру только, на морде у него маска была. Да я вообще не сразу понял, что произошло. Выхожу на стоянку, вижу, как вы падаете, ну я сюда, и тут он вдруг, как на пружине, из-за «мерса» вскакивает. Я ж его сперва-то и не видел, здорово вы его уронили. – Он покрутил головой и деловито уточнил: – Ментов-то будем вызывать? Заявление о нападении, все такое. Вон – оружие есть...

На запятнанном кровью асфальте лежала злополучная бита.

– Да ну, толку от этих заявлений, – отмахнулся Денис, брезгливо пиная «орудие». – Время только тратить. Распорядись, чтоб машину в порядок привели, и ладно.

Пустяк вроде – все ведь обошлось, но почему-то саднило. Хотелось все бросить и устроить себе незапланированный отпуск, хотя бы небольшой. Вот прямо сейчас. Но, черт побери,

даже этого нельзя. Вот проведет сегодня переговоры с американцами – и уж потом хоть на Гавайи. Нет, лучше не на Гавайи (делать там нечего, только на пляже валяться) и даже не в запланированный Лондон (на той неделе слетает, ничего страшного), а в Питер. С полгода уже не был, соскучился.

Наверное, именно потому, что мысли Дениса были почти целиком заняты желанным «отпуском», переговоры прошли с блестящим успехом, осталось только все оформить документально, но этим уж пусть юристы обеих сторон занимаются. А он, Денис Воронцов, глава компании, свое дело сделал. Уф-ф. Как там у Александра Сергеевича? «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей»? Это, знаете ли, не только про женщин. Чем меньше мы хотим партнеров, тем легче мы обводим их – по привычке переиначил он. Ни в какую рекламу это, конечно, не годится, но такого рода гимнастика ума – очень полезная штука.

Ну что, можно уже говорить ритуальные прощальные формулы? Ох, нет, еще, видите ли, бокал ритуального шампанского – за успешное и плодотворное сотрудничество, как без этого, – пригубить. А за окнами меж тем что-то хмурится, вот-вот дождь пойдет.

* * *

Однако дождь пошел позже, когда Денис уже устроился в вагоне питерского поезда. Дождь в дорогу – к удаче, вспомнилось бабушкино присловье. Капли рисовали на вагонном стекле загадочные иероглифы, шелест дождя гармонично сливался со стуком колес. Если и в Питере дождь, придется прямо на вокзале зонтик покупать, подумалось ему в наползающей дреме. Не в номере же сидеть...

Денис любил нынешние питерские гостиницы – не те, что остались от прежних времен, а именно нынешние. Кажется, больше нигде еще не придумали переделывать в гостиницы квартиры, а в Питере – пожалуйста. Вот в этой он останавливался уже в четвертый, кажется, раз. Она занимала два верхних этажа бывшего доходного дома. Вместо номеров – как будто маленькие квартиры: спальня, ванная и кухня. В люксе – Денис давно уже останавливался только в них, даже гордиться этим перестал, – в люксе был еще кабинет. Хотя зачем ему кабинет? Не работать же он тут собирается.

Кстати о работе. Надо включить телефон и позвонить Грецкому, он там небось уже всю Москву на уши поставил – шеф пропал.

Роман, естественно, закатил нотацию минут на десять: что Денис вытворяет, разве можно так исчезать без предупреждения, охрану не взял, никому ничего не сказал, телефон не отвечает, безобразие! Иногда Воронцову казалось, что это у них с Грецким такая внутренняя игра: суровая нянька выговаривает непослушному подопечному за то, что тот опять – ужас, ужас, ужас – сбежал, не доложившись, в чужой двор, а нянька тут с ума сходит. Он слушал гневные филиппики⁴ Романа, улыбался и думал: интересно, а королям или президентам их службы безопасности такие же выговоры устраивают? А что, очень может быть. Будь ты хоть двадцать раз большой человек, начальник твоей охраны – главное. Потому что если ты не будешь его слушаться, не слишком долго тебе доведется быть большим человеком. Да и вообще – быть.

Сообщив Грецкому, где остановился, и поклявшись впредь так больше не пропадать (оба знали, что клятва – до первого каприза, но таковы условия игры), Денис на весь день, благо дождя все-таки не было, пошел шататься по любимому городу – без цели, без плана. Он заходил в подвернувшиеся кафе и чайные, сворачивал в случайные переулки, кормил уток и лебедей на прудах. В общем, наслаждался жизнью. Купил в каком-то магазинчике кроссовки (дизайнерские кожаные туфли, даже трижды итальянские и ручной работы, для длительной ходьбы

---

⁴ Филиппика – обличительная, возмущенная речь (Демосфен произносил особо гневные речи против македонского царя Филиппа II).

оказались не слишком приспособлены) и, подумав с минуту, еще и джинсы (шитые у лондонского портного брюки с кроссовками выглядели несколько дико). Пиджак (от того же портного) решил оставить: с джинсами получался эдакий стиль фьюжн. Впрочем, Денис не слишком разбирался в направлениях моды, это Ксения все про них знает, а ему как-то все равно: выглядит не пугалом, и довольно. Переодевание его почему-то развеселило. Ну и прогулка, разумеется. Так что к вечеру он уже вспоминал давешнее нападение как что-то далекое и даже отчасти смешное (ну, подумаешь, придурок какой-то на дозу решил сшибить, с кем не случается, ни один обеспеченный человек от подобного не застрахован, проехали и забыли) и даже начал гордиться своим успехом в переговорах. Слегка. К успеху он тоже уже успел привыкнуть.

Следующее утро – все-таки Питер есть Питер – встретило его дождем. Но разве можно отказаться от прогулки из-за какого-то там дождя?

К вечеру кроссовки промокли насквозь. Какой я молодец, что вчера переобулся, а то туфли все-таки было бы жалко, думал он, заходя в ярко освещенный спортбар. Денис не слишком жаловал подобные заведения, находя их шумными и утомительными, но сейчас ему вдруг ужасно захотелось пива. Не каких-нибудь там благородных вин, элитных коньяков или экзотических коктейлей – простого светлого нефilterованного пива. Его требовали, казалось, и гудящие от бесконечной ходьбы ноги, и сладко поднывающая поясница, и, разумеется, порядком пересохшее горло. Было в этом что-то очень мужское: кружка пива после целого дня работы. Ну да, а что, ходьба – разве не работа?

Бог знает, сколько бы он там просидел, но к концу второй кружки в бар стали подтягиваться болельщики, оживленно обменивающиеся репликами о предстоящем футбольном матче. Денису показалось слишком шумно, поэтому он расплатился и вышел.

В голове приятно шумело – ритмично, волнами, словно сквозь шум дождя пробивались преследующие сзади шаги. Он даже обернулся – никого. Ну то есть какие-то прохожие есть, но чтобы кто-то шел за ним – нет, конечно, что за глупость. Да уж, нагулялся. Пора на боковую. Впрочем, до гостиницы всего ничего осталось, не больше получаса. Даже меньше.

Девушка, выскочившая неожиданно из переулка, налетела на него со всего маху, высокий каблук поехал по мокрому тротуару, и, если бы Денис не успел ее подхватить, она рухнула бы прямо в лужу.

– Эй, вы чего? Тут главная дорога, – пошутил он. – У меня преимущественное право движения, а вы выскакиваете так неожиданно.

Незнакомка резко высвободилась. Полы ее короткого плаща раздуло порывом ветра, как крылья летучей мыши.

– Ой! – Она пошатнулась, и Денису опять пришлось ее подхватить.

– Что такое?

– Нога... Или каблук... кажется...

– Авария, значит. Вот что значит правила дорожного движения нарушать. Ну-с, давайте поглядим. – Он подвел девушку к стоявшей неподалеку лавочке (мокрая, подумалось мельком, ну и ладно, сойдет), усадил, осмотрел пострадавшую ногу. Точнее, обе ноги: черт ее знает, какая у нее пострадавшая, выглядят обе вполне нормально. Даже очень. М-м-м. Красивые ножки. И вся она – Денис перевел взгляд на лицо, слабо белеющее в свете полудухлого фонаря, – вроде ничего себе. – Каблучки ваши в полном порядке, – отрапортовал он. – Если нога подвернулась, надо посидеть, отдохнуть. Как вас величать, нарушительница?

– Я не нарушительница, – обиженно буркнула девушка. – Я просто шла, а вы на меня налетели.

– Будем страховую компанию вызывать или так помиримся? – продолжал веселиться Денис. – В самом деле, зовут-то вас как, ненарушительница?

Он ожидал, что та сейчас заявит, что на улицах не знакомятся (а он будет настаивать, уверяя, что лавочка – это уже не улица, ну и всякие прочие приемы легкого флирта припомнит,

в результате уломав ее, разумеется, на «чашечку кофе в более комфортной обстановке»), но она тихо ответила:

– Адель.

С ума сойти как романтично. Что ж они себе вечно эдакие загадочные псевдонимы придумывают? Естественно, Денис ни на мгновение не поверил, что это настоящее имя, к тому же ему моментально вспомнился пушкинский мадригал.

– Играй, Адель, не знай печали! Хариты, Лель тебя венчали!.. Час упоенья лови, лови! Младые лета отдай любви! – бодро, как на уроке, продекламировал он.

– Это вы прямо сейчас сочинили? Красиво как, – заинтересовалась девушка.

– Это Пушкин, – дружелюбно сообщил Денис, сдерживая смех и думая: чему их нынче в школе учат?

– А, Пушкин. – Она как будто была разочарована. – А сами не можете?

– Ну... – Денис закинул голову, глядя на мерцающий над их головами фонарь. – Слепой фонарь во мраке ночи, как путеводная звезда, едва мерцает, видно, хочет он вмиг угаснуть навсегда. Годится?

– Ну... Подумаешь, фонарь. У него просто лампочка скоро перегорит, вот он и мигает.

– Э не-ет, не все так просто. Его душа – это свет, когда он погаснет, наступит тьма, смерть. То есть фонарь умрет. И он мерцает, предчувствуя свою гибель и призывая ее...

Господи, какую пошлую чушь я несу, подумал Воронцов. Правда, красавица (а когда фонарь вспыхивал поярче, было видно, что она не просто мила, а действительно очень хороша) вроде не морщится, ну и то ладно. Девушка ему понравилась. Интересно, профессионалка или так, погулять вышла? В смысле буквально – погулять. А то кто их нынче разберет. Не обидеть бы ненароком. Как бы это поаккуратнее на продолжение знакомства намекнуть?

Все, однако, решилось само собой.

– Ну все, пойду дальше, – заявила вдруг девушка, решительно поднимаясь со скамейки. И тут же, ойкнув, повалилась обратно: – Черт! Не могу, – И она неожиданно всхлипнула.

– Ну вот, – добродушно усмехнулся Денис. – Столько воды вокруг, надо ли добавлять?

– Потому что все, все наперекосяк!

– Ну не все, не все, – утешительно проговорил он, приобнял красавицу, помог встать и повел. Девушка, как ни странно, не сопротивлялась, даже не спрашивала, куда они идут, только прихрамывала и вздыхала. Может, все-таки профессионалка, думал Денис. Как-то очень уж легко поддалась. Или просто тоска у девушки? Впрочем, ему-то какая разница? Завтра легкий поцелуй с утра пораньше – и прости-прощай, тебе налево, мне направо. Он сдержал смешок, вспомнив чью-то забавную переделку известной формулы: мы разошлись, как в море поезда.

Несмотря на подвернутую ногу Адель, до гостиницы они дошли минут за пятнадцать.

– Вино какой страны вы предпочитаете в это время суток? – автоматически спросил Денис, копаясь в мини-баре и вознося хвалу полагающемуся в люксе сервису: выбор напитков был неплохой.

– Разве это зависит от времени суток? – удивилась гостья.

Булгаковскую цитату она, разумеется, тоже не опознала. Да и не надо, весело подумал Воронцов, вспоминая другую цитату, из «Женитьбы Фигаро», что с Андреем Мироновым: «Ну мы же не читать тут собираемся!» Вытащив бутылку красного (не супер, но вполне приличного), налил по бокалу:

– Прошу, сударыня! Я, с вашего позволения, в душ, а то и мокрый, и потный одновременно, самому аж некомфортно.

Когда он вышел из ванной, Адель пристально глядела в мокрую питерскую ночь (ужасно романтично), постукивая по стеклу изящными ноготками. Оба бокала так и стояли на столике.

– На брудершафт?

Она робко кивнула, протягивая ему бокал и беря себе второй:

– Давай выпьем... за чудо? Хорошо? До дна, ладно? Чтобы чудо не спугнуть!

– Прекрасный тост! – Денис выпил, улыбнулся и притянул ее к себе...

Застенчивость, покорность и прямо-таки девичья дрожь. Он мысленно благословлял судьбу: давно у него таких приятных приключений не было.

– Можно мне тоже в душ? – все с той же робостью в голосе вдруг спросила она.

– Как скажете, леди!

Вода в ванной плескалась так умиротворяюще, что он вдруг почувствовал, что ужасно устал. Прилег на кровать, подумал: если вдруг девчонка, на мое несчастье, воровка, так и черт с ней, пусть поживится немного. Ничего особенно ценного у меня с собой все равно нет, кредитка ей бесполезна, налички в бумажнике немного, пустяки, в общем.

И провалился в тяжелую дрему.

* * *

А проснувшись, обнаружил рядом с собой Адель – с перерезанным горлом.

Что за идиотские шутки?! Сейчас вспыхнет свет, «покойница», разбрызгивая брызги изображающего кровь кетчупа, вскочит и завопит: «С вами программа «Розыгрыш»! Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера!» Или вовсе вылезет из шкафа. А это вот... на залитой «кровью» постели... манекен. Ну да. Манекен. И сходство такое... портретное. И запах...

Не помидорами пахнет.

Бедой.

Денис осторожно сел на постели, протянул руку, коснулся того, что лежало рядом.

Настоящее тело, вне всякого сомнения.

И кровь – настоящая.

Из-за сдвижной перегородки, ограждающей кухонный отсек, доносились слабые позвякивания, постукивания, шорохи.

Он тихо встал и очень осторожно заглянул на кухню. Плечистый мужик в черном – даже перчатки у него были черные – методично протирал бокалы, раковину, стол. На шее, над вырезом черной футболки виднелась татуировка – не то изображение прицела, не то кельтский крест.

Денис даже подумать ни о чем не успел: рука словно сама схватила стоявшую на столике вазу, размахнулась... Удар получился почему-то почти беззвучным.

Ксения Москва

Ксения ненавидела проблемы. Нет, не так. Она считала, что проблемы – не ее дело. Не царское, как говорится. Пусть кто-то их решает, а она красавица и сокровище, ее дело – царить.

Ну ничего, скоро все наконец-то закончится и она сможет царить в свое удовольствие. Скорей бы. Ждать – это невыносимо. А сейчас, пожалуй, лучше всего выпить снотворное. Это, конечно, вредно, но один раз можно. Чтобы не трепать себе нервы ожиданием. Чтобы заснуть, забыть, расслабиться. А когда она проснется, все уже будет сделано.

Все-таки он был в своем роде идеальным мужем, сочувственно думала она, размешивая таблетки в воде. Щедрый, без лишних претензий, без скандалов, все всегда было тихо. Ну да, случались у него шашни на стороне – дотошный Роман честно докладывал ей обо всем, – но особого значения походам «налево» Денис не придавал, денег на любовниц тратил не больше, чем требовали приличия. А самой Ксении эти мужнины забавы были скорее удобны, чем неприятны.

За сыном, когда тот приезжал из своей лондонской школы, по мере возможностей присматривал, даже вечной рабочей занятостью не отговаривался, на футболы эти дурацкие с ним таскался. Да в Лондон регулярно летал – специально, чтобы с сыном побыть!

Неплохой, в общем, мужик, только... только звезд с неба не хватал. Выше головы, говорят, не прыгнешь. У каждого свой потолок. Поэтому... поэтому фирме нужен другой руководитель. И этим руководителем станет она, Ксения. Ничего, она забудет о гордости (при чем тут гордость, когда на кону – успех?), она ляжет и под французов, и под мексиканцев, да хоть под тупых американцев. Если надо – ляжет и в буквальном смысле. Хотя этот вопрос, к счастью, не стоит. Ну, значит, ляжет фигурально. Не станет же упираться в стену, угрюмо долбя свою – ах, уникальную, как же! – русскую дорогу в рекламе, как это делал Деня. Какая еще, на хрен, русская гордость?! У них тут есть свой рынок, свои резервы, без числа дешевой рабочей силы, в том числе толпы небалованных креативщиков, которые за три копейки раскрутят любой бренд так, что продажи взлетят до небес. И нечего говорить о чужом протекторате, об утрате самостоятельности, вот еще глупость! Самостоятельность – это не фамилия в шапке официальных документов, не формальная принадлежность или не принадлежность какому-то бренду. Самостоятельность – это возможность управлять. Как там русская поговорка говорит про главенство в семье: муж-то – голова, но жена – шея. Черта с два голова может куда-то повернуться сама по себе, ее шея поворачивает. И пусть эти дурацкие западные претенденты на формальное обладание считаются головой. Именно она, Ксения, знает местные особенности – те, которые западным продавцам никогда в жизни не понять, – знает, что нужно покупателю в этой стране. На какой крючок его ловить, как заставить полезть в свой дырявый носок и вытащить оттуда последний засаленный рубль. И ей совершенно по барабану, что вместо фамилии Воронцов будут звучать другие. Сделают филиалом чего-нибудь там – и ладно. Зато потом фронтон особняка на Лазурном Берегу вполне можно будет украсить и собственной фамилией. Что, скажите, важнее: особняк на Лазурном Берегу или какая-то мифическая самостоятельность?

Итак, сразу же, буквально на следующей неделе, параллельно с публичной демонстрацией глубокого потрясения и исполнением роли безутешной вдовы (эх, может, надо было настоять, чтобы Дениса оставили в живых? Ну посадили бы его за убийство, бизнес-то им остался бы) провести задним числом контракт с французами. Украину они хотят? Да пожалуйста! Отдать им все площади тамошних билбордов, все телевизионные врезки, не жалко. Но вот Крым нужно провести отдельным договором. В Киеве неспокойно, что там будет завтра

или через год – не предскажешь. И если все там окончательно обвалится, собственно, к чему все и идет, пускай французы сами и разгребают. Наш филиал в Крыму, если что, мы можем ликвидировать за один рабочий день, не проблема. И забыть все навсегда, как страшный сон. Это Денис мог с ними нянчиться, носился, как с детьми, честное слово. Теперь все, хватит. Выплывайте, ребятки, сами. Вот вам французские клиенты, они вас теперь и разденут до трусов. А ваш «папочка» Деня теперь на заслуженном отдыхе. Там, на небесах... Да, Роман все-таки до жути, до озноба практичен, люди для него – трава. Подумаешь, лишний раз косой махнуть – рука не отвалится. Но, наверное, он прав, оставлять Дениса в живых было нельзя. Глава фирмы сидит за убийство проститутки – кошмарный удар по имиджу фирмы, много ли клиентов в таком раскладе захочет иметь с ними дело? А если убийство в состоянии аффекта с последующим самоубийством – ну выпил лишнего, ну крыша поехала, с кем не бывает. Пошумят и быстро забудут.

Она и сама не заметила, что уже думает о Денисе в сугубо прошедшем времени. Как там в английском? Прошедшее совершенное? А Роман между тем все не звонит, черт бы его побрал! Неужели опять не заладилось? Если ошибется и в этот раз, придется начать думать – на кого его менять. И эта проблема не из тех, что решаются с налету. Да и решается ли она? За то, что он избавит ее и фирму от Дениса, и так пришлось пообещать слишком много. Полностью она, конечно, своих обещаний выполнять не станет, но платить придется. И если не половиной, то четвертью точно. Так же как пришлось пустить этого ушлого парня в свою постель. Впрочем, это как раз не повод для сожалений. Любовник Роман очень даже ничего, а влиять на мужчину, с которым хотя бы время от времени спишь, проще, чем на совсем постороннего. Да и вел себя Роман по-прежнему очень прилично, статус «приближенной особы» не выпячивал, был вежлив, почтителен и дистанцию соблюдал.

Ксения залпом допила стакан с разболтанным в воде снотворным и решила выкурить сигарету, что позволяла себе лишь в исключительных обстоятельствах. Годы бегут, надо за собой следить, не девочка уже! Ничего, завтра с утра в бассейн, потом в тренажерку, часа на два. Стоп. Какой бассейн? С утра все закрутится в другом, совсем другом режиме – следствие, прокуратура, допросы, скорбное выражение лица и полное непонимание происходящего во взгляде. Ах, она в совершенной прострации, она в шоке, муж так много работал, плохо спал,пил какие-то таблетки, загнал себя...

Ну что же это Роман не звонит?! Ведь и дело-то не такое уж хитрое по нынешним временам. Все было продумано, подготовлено. Деньги всем заплачены. Деньги, деньги...

Надо посмотреть, сколько у нее наличных в сейфе. А заодно проверить и сейф Дениса. Глупенький муженек был уверен, что его шифры ей недоступны, менял их постоянно. Зачем, кстати? Не доверял? Страховался от потенциальных грабителей? Впрочем, сейчас это совершенно не важно. Уж конечно, Денис и не догадывался, что начальник его собственной службы безопасности, его преданный и безотказный Роман, следит не только за безопасностью компании, но и за каждым шагом своего шефа, и что каждая смена шифра автоматически фиксируется предусмотрительно подключенным дешифратором. Но вчера, уезжая в Питер, Денис даже и шифр менять не стал. Не то уверился наконец в своей неуязвимости, не то попросту забыл. Скорее забыл, конечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.